Красноартеец Краснофлотец

№ 8

Обложка худ. И. Гринштейна

Монтаж А. Зиновьева

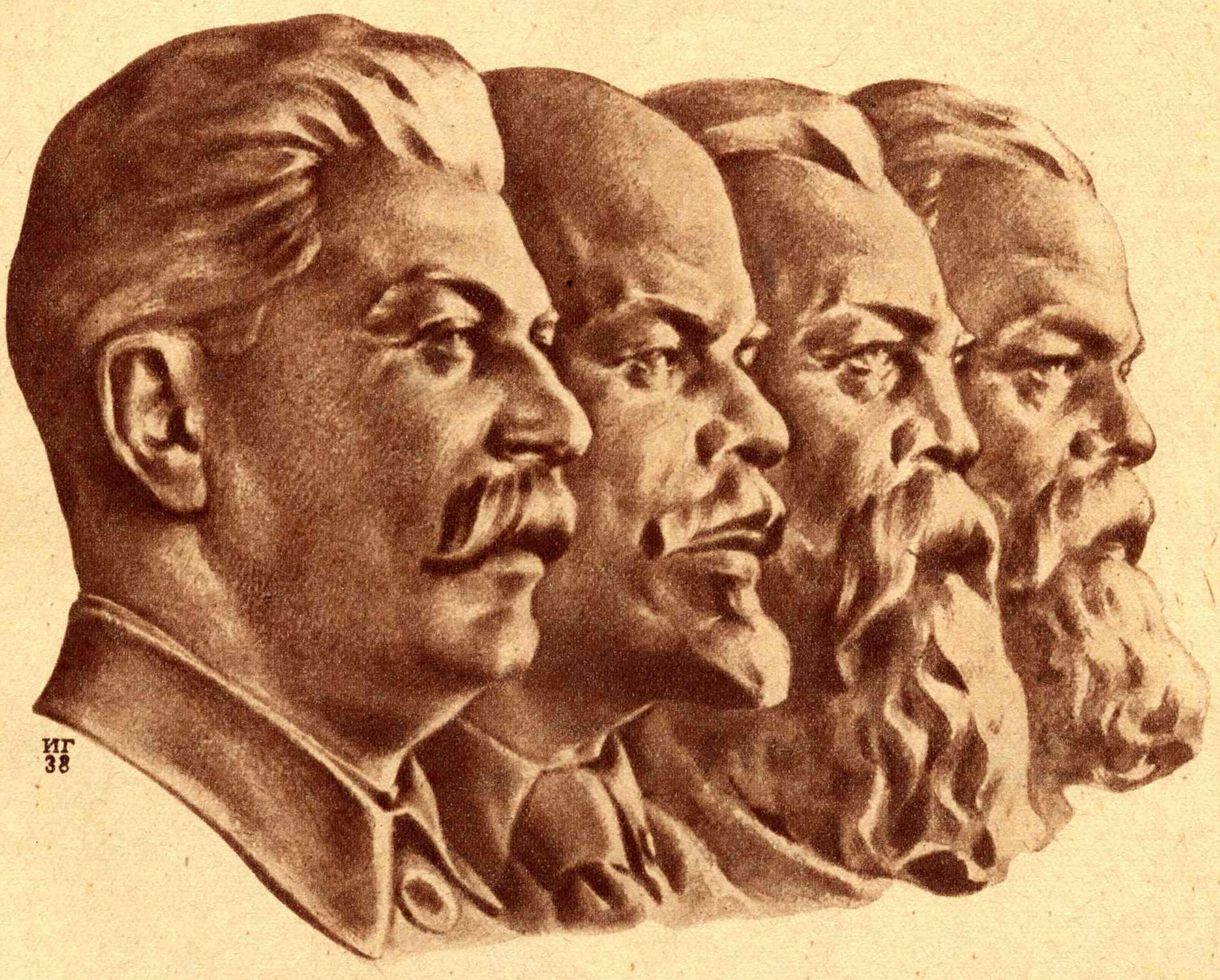
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Красноармеец Краснофлотец

двухнедельный литературно-художественный журнал

20 год издания | № 8 | АПРЕЛЬ 1938

Институт литературы ЦИК СССР им. М. Горького
15233



ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКОЕ, НЕПОБЕДИМОЕ ЗНАМЯ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА—СТАЛИНА!

Д. ФИБИХ

ИСПАНЕЦ

Рис. Ардо

Выйдя из клуба, компания на минуту остановилась в освещенном подъезде. Над столицей пламенело багрово-лиловое праздничное небо. Усиленная рупорами, плыла музыка.

— Как хорошо! — Люся вобрала открытым ртом освежающую ночную прохладу и с веселой улыбкой, точно приглашая разделить то удовольствие, которое переполняло ее, оглянулась на статного, спокойного Прохорова. Бледные щеки девушки разгорелись от духоты и танцев. Прохоров взял Люсю под руку, повернулся к остальным.

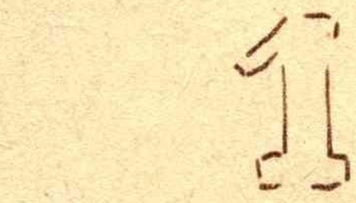
— Ну, товарищи, кто куда? Я, например, домой. Спать охота.

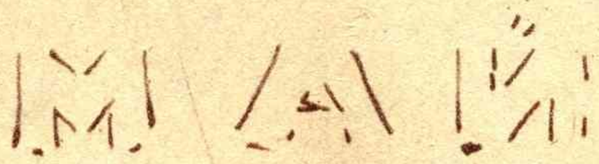
Но тут запротестовали. Как можно спать в такую ночь! Гулять — и никаких разговоров!.. Веселой гурьбой, со смехом и остротами, молодые инженеры направились в центральную часть города.

На тротуарах нельзя было протолкаться: медлительные гуляющие толпы заливали мостовую. В сплошной людской гуще, безнадежно трубя, черепашьим шагом пробирались автомобили. Какой неузнаваемой, оживленной, улыбающейся стала Москва, обычно жестко-деловитая и озабоченная, без оглядки торопящаяся куда-то по делам! Огненными контурами сияли во мраке очертания высоких зданий. Всюду — куда ни глянь — пылала электрическими лампочками торжественная дата «1 Мая». Вспыхивали в вышине, мерцали, сыпались каскады рубинов, жемчугов и бирюзы. Город превратился в громадный ларец, наполненный драгоценными каменьями. На площадях, в зареве прожекторов и киноламп, туго колыхалась сплошная масса голов. Народ стоял стеной; смотрел, как пляшут. На помостах, сверкая медью труб, играли оркестры. Внизу, в веселой танцовальной давке, теснились кепки, военные фуражки, сдвинутые на ухо беретики фабричных девчат. Густой рокот говора, восклицания, женский смех.. Нет, в такую ночь спать было невозможно! Казалось, весь огромный светозарный город поет, ликует и радуется жизни.

Гремевшие музыкой рупоры, укрепленные под карнизами домов, точно несли Прохорова и Люсю, бережно передавали их один другому.

— Как тебе понравились испанцы? — спросил Прохоров, стараясь перекричать оглушительный, вырывающийся из трубы бас Варяжского гостя.





Испанцы выстроились по-военному в ряд.

— Очень! Самое главное — чувствуешь, что они хоть и чужие, далекие, а все-таки ужасно близкие. Как будто свои ребята. Ты понимаешь меня?

— Конечно.

Несколько шагов прошли молча. Люся жалобно сказала:

— Давай потише пойдем. Туфли жмут.

— Французы в таких случаях говорят: «чтобы быть красивой, нужно страдать».

Девушка засмеялась. По оживленному лицу ее, с блестящими, слегка навыкате глазами, меняясь, точно в призме, бежали волшебные отблески иллюминации. В эту ночь Люся нравилась Прохорову больше, чем обычно. Прижимая ее локоток, он вел девушку по людной сияющей улице. Он гордился своей спутницей и заботливо оберегал ее от толчков.

Главной приманкой сегодняшнего вечера в клубе было выступление испанской делегации, приехавшей на первомайские торжества. Желающих поглядеть редких гостей набралось столько, что в зрительном зале началась давка. Когда на сцене появились чужеземцы, зал встретил их овацией. Испанцы выстроились по-военному в ряд, замерли, салютуя поднятыми на уровень плеча смуглыми кулаками. Раскаты рукоплесканий усиливались, делались все более жаркими и настойчивыми.

— Да здравствует свободная Испания! — крикнул чей-то молодой, срывающийся от волнения голос, и зал, как по сигналу, поднялся на ноги. Буря восторга, уважения и любви неслась навстречу этим людям.

Так вот они какие! Один — худой, оливковый солдат в хаки, в двурогой, ставшей уже знакомой, шапочке. Болтающаяся спереди красная кисточка придавала ей детский вид. Другой — рослый, самоуверенный, с бачками торреодора на твердых скулах. Короткая кожаная блуза с серебряной застежкой-молнией стянута на талии. Из-под широчайших брюк сверкали носы лакированных туфель. Третий — низень-

Федор Морозов

Великое красное знамя
Во мраке холодных ночей
Всегда пламенело над нами
Снопом золотистых лучей.
Сквозь черную едкую копоть,
Под грозные взрывы гранат,
Мы знамя несли к Перекопу,
Со знаменем брали Кронштадт.
Снега по ночам порошили
И ветер заносчиво выл,
Водил нас в бои Ворошилов
И Фрунзе в бои водил.
На приступы шли мы
И смело
Стреляли в упор по врагу.
А знамя костром пламенело
На мертвенно-бледном снегу.
Горели от холода лица,
Ночами хрустели снега...
. . . . . .
Коль снова на наши границы
Военная хлынет пурга
И небо совсем голубое
Ружейный окутает дым,
Мы встанем, готовые к бою,
Под знаменем боевым!
Крепка нашей армии сила,
И летчиков верен полет.
Нас в бой поведет Ворошилов,
И партия нас поведет.
Уменье и силу умножим.
По опыту пройденных лет,
Сомнем,
Разгромим,
Уничтожим
Врага на его же земле!
И солнце взойдет над степями,
Рассеяв туманы и дым.
И вечно гореть будет знамя,
Великое Красное Знамя,
Над миром,
Над шаром земным!

Фото Н. Сальмана

Передовые заместители политруков Н-ской части тт. Гущин Д. С., Дрожжин С. А., Гончаров П. П., Кужелев А. Г., Дорогих И. К. и Назаров Г. К.

кий и плотный — был летчиком. У него было круглое, гладко выбритое, курносенькое, добродушное лицо. Красивый темносиний мундир усеян золочеными пуговками.

Отбивая, как и все, ладони, Прохоров не мог отделаться от неясного сознания, что он — странное дело — где-то уже видел летчика. Но где и как?..

Испанцы стали говорить. Они кричали, сжимая кулаки; глаза вспыхивали гневом и решимостью. Зрители жадно прислушивались к раскатистым, звонким и твердым звукам незнакомой речи. Но смысл того, о чем говорили эти люди, угадывался налету, не разумом, а самим сердцем.

— Фасисто!.. — кричали испанцы. — Мадрид!.. Совьет Руссия!..

Торжественная часть окончилась. Начались танцы. Войдя в фойе, Прохоров снова увидел маленького летчика. Летчик танцовал. Рослая, немолодая, в платье цвета семги, дама его — сотрудница из конструкторского — была выше испанца чуть ли не на голову. Опустив длинные черные ресницы, летчик двигался в мешанине танцующих пар с изящной европейской плавностью. Ноги его, выделывая сложные фигуры, легко скользили по натертому, блестящему полу. Толстенькое, курносое лицо светилось тихим счастьем. Где-то за тридевять земель была родина, которую терзали бешеные псы фашизма, были косматые тучи взрывов, дымящиеся развалины, изуродованные трупы, воздушные поединки. Завтра он снова очутится в том страшном мире. Но сейчас он всем существом своим наслаждался случайным отдыхом, покоем, ощущением безопасности. Яркий свет, ритмичная музыка, нарядные женщины, целительное тепло любовного радушия... Жизнь!..

Иногда летчик поднимал на свою даму южные ресницы и молча, благодарно улыбался ей детскими затуманившимися глазами. Внезапная жалость и нежность к этому человеку охватили Прохорова. Он стоял у стены, следя за испанцем. Незаметно подошедшая сзади Люся сказала, точно отвечая его мыслям:

— Правда, какой симпатичный? Как подумаешь, что через несколько дней он вернется туда...

И, резко оборвав, тряхнула завитыми кудрями:

— Давай танцовать.

Джаз заиграл танго — танец, которому Прохоров только что с превеликим усердием выучился. Люся обдернула платье, положила голую ручку на плечо инженера. Чувствуя ладонью сквозь креп-де-шин теплую, худенькую, с тонкими ребрышками спину девушки, Прохоров отдался томному, плывущему ритму. Было тесно, то-и-дело они натыкались на соседние пары. Но и во время танца молодой инженер продолжал ломать себе голову: где он мог видеть испанца?

Сейчас, гуляя по ночной Москве, Прохоров говорил:

— Странное дело, если вдуматься. Что мы раньше о них знали? Есть на другом конце Европы далекая, далекая страна — вот и все. Я видел «Кармен» в Большом, и вся Испания мне такой и представлялась. Бой быков, торреодоры, мантильи, кастаньеты... А вдруг оказалось, что эта далекая страна нам ближе всех других, потому что там живет народ, удивительно похожий на нас. Разве не лезла на нас в девятнадцатом году всякая сволочь? У нас тоже были свои Франко — всякие Деникины и Врангели. И та же партизанщина, от которой мы перешли к регулярной армии... Они дерутся за свою свободу и независимость так, как дрались мы. Геройский народ!

— Так хочется, чтоб они победили, — вздохнула девушка. — Знаешь, — сказала неожиданно, — я на днях сдала на «ворошиловского стрелка».

— Ну? Молодец!

— Слушай, Анатолий! Правда, ты учишься испанскому? Ребята болтают.

Он ответил уклончиво и солидно:

— Мой взгляд таков, что комсомолец, да и вообще всякий культурный человек, должен знать хоть один иностранный язык.

Поправил на голове новую серую кепку.

— А лучше два.

— Танки! — крикнул, оборачиваясь к остальным, шедший первым долговязый и восторженный Левченко: — Ух, ты, братцы!

Начиная от Триумфальной и вплоть до Охотного ряда, улица Горького вся была забита стоящими в три ряда танками. Деловитый треск и рокот летели из темноты. Неясно намечались громадные глыбы живого, одухотворенного железа. Эта грозная лавиноподобная масса заполонила тесное ущелье улицы. На гладкой броне, на пуговицах заклепок, на тонких пушках, высунувшихся из башен, отсвечивали голубые и красные огни аргона и неона. Люки были открыты. Около машины теснились веселые, ловкие парни в ребристых шлемах. Болтали, покуривали. Уходя под спуск, к Охотному, нескончаемо тянулась тройная вере-

ница стальных башенок с пушками и пулеметами. А впереди, над шпилями Исторического музея, бродили по небу, перекрещивались исполинские синие лучи. Казалось, они беззвучно переговариваются друг с другом,

Прохоров, остановившись с Люсей, смотрел на колонны железных чудовищ.

— Подтягиваются на завтрашний парад. Да, как говорится, у нас есть, что защищать, чем защищать и кому защищать.

Гремя гусеницами по непривычному асфальту, со стороны бульваров подползали все новые и новые ма-

шины. Человек в шлеме, по пояс торчащий из люка, начинал крестить воздух флажками, — головной танк заворачивал с неожиданным тяжеловесным проворством, и весь отряд, следуя за ним, включался в общую колонну. Машины подъезжали, останавливались; сердитая воркотня моторов затихала.

— Товарищи, на Красную площадь! — предложила Люся. За ней двинулись остальные.

Вся в огненных пунктирах, в розовых отсветах гигантских полотнищ, закрывших фасад Гума, открылась пустынность великой площади. Освещенные снизу, уходили в темь островерхие кремлевские башни; высоко на шпилях пылали рубиновые звезды. Зеркально блестели мраморные стены мавзолея.

Возле Исторического музея стоял прожектор, вокруг которого — черная против света — теснилась толпа. Лазоревый пар курился над громадным котлом. Колонна синего света подымалась к ночному небу и упиралась в нависшие облака круглым белесым пятном. Вот она пошатнулась, скользнула по небу, стала беззвучно падать все ниже и ниже. Осветились крыши Гума, потом огромный, висящий на стене портрет. Минуту луч озарял лицо величайшего человека нашей планеты, затем снова взметнулся ввысь. Он блуждал по облакам, он что-то выискивал среди тьмы и неизвестности. Люся прижалась к Прохорову.

— Я сейчас подумала: вдруг там (она показала на небо) прожекторы обнаружат самолеты. И бомбы, которые летят оттуда прямо на нас...

Прохоров улыбнулся, как улыбается взрослый лепету ребенка.

— Руки у них коротки.

Уже светало, все вокруг наливалось предутренней синевой, когда усталая компания разошлась, наконец, по домам. Прохоров проводил Люсю до дверей ее квартиры, простился и пошел к себе на Бронную. Спать почти не хотелось. В тишине щелкали его шаги по асфальту. Тянуло холодком. На деревьях бульвара копошились проснувшиеся воробьи, звонко приветствовали друг друга.

Снова всплыл в памяти маленький, беззаботно танцовавший летчик, и снова, мучаясь, Прохоров подумал, что определенно он знает этого человека.

... Колонна, в которой находился Прохоров — головная, — должна была вступить на Красную площадь чуть ли не самой первой. В ожидании, когда кончится военный парад, демонстранты стояли на месте. Веселый карнавальный шум поднимался над стянутой узкими берегами улицы людской рекой. Перебивая один другого, играли оркестры. В одном месте хором пели о приамурских партизанах, в другом плясали. Цветные майки, белые брюки мужчин, белые женские платья. Цветы в руках девушек. Пурпурный струящийся под ветерком шелк знамен и стягов. Написанные на кисее портреты вождей — прозрачные в ярком солнечном свете. Стайки серебряных аэропланов на высоких шестах. Всевозможные горделивые символы и эмблемы труда.

Поистине это был праздник весны, молодости, радости бытия.

Внезапно воздух наполнился певучим громом. Испуганно задребезжали стекла в ближайших домах. Из-за карнизов, из-за парапетов и вышек показались стройно летящие на парад бесчисленные эскадрильи. В голубых просторах, на фоне белых облаков медленно, величаво и грозно плыли стаи тяжелых бомбардировщиков. С остервенелым, звенящим ревом вырвались, сверкнули и скрылись новейшие скоростные истребители. Одна эскадрилья. Вторая. Третья. Четвертая. Толпа ахала, закидывая головы, — глаз едва успевал поймать эти толстые черные бешеные торпеды, низко проносящиеся над крышами.

А над ними, в солнечной вышине, все длился и длился торжественный

марш воздушных кораблей, плывущих бесчисленными треугольниками. Казалось, двигалось само небо, точно по канве, сплошь вышитое слюдяными крестиками самолетов. Их были сотни и сотни. Воздух гудел, содрогался.

— Красота! — кричал Прохорову Левченко. Голос его с трудом пробивался сквозь могучее пение моторов, глаза были хмельные. Оглядываясь на соседей, видел Прохоров застывшее на поднятых лицах одно и то же выражение восторга, гордости, счастья. По затылку юноши, трогая корни волос, бежал сладкий холодок. Вот она, крылатая, непобедимая наша сила! Это мы, мы и никто иной, создали ее собственными нашими руками. Пусть попробуют сунуться гады!

— Непременно, непременно буду парашютисткой, — твердила Люся. Она была рядом с ним, в белом платьице, в золотом дыму растрепавшихся волос.

— Люся, вспомнил! — вдруг крикнул Прохоров радостно.

— Что вспомнил?

— Я видел того испанца в кино. Ну, конечно, в кино.

... Из кабины самолета медленно, разбито вылез человек в кожаной одежде и в широких парашютных лямках. Расстегивая авиаторский шлем, он шел прямо на аппарат. Круглое, курносенькое лицо было мятым и измученным. Он шел, угрюмо отдуваясь; щеки темнели запущенной щетиной. У него был пустой, устремленный вовнутрь, взгляд человека, только что видевшего перед собой смерть.

— Это один из лучших республиканских летчиков, — сказал за экраном невидимый трубный голос.— Он только что выдержал воздушный бой с фашистскими самолетами...

Следующий кадр показал ветхую старомодную машину. Фанерные борта зияли пробоинами, крылья были прострелены. Ветер трепал лохмотья прорезиненного полотна.

Новые и новые появлялись картины, и от каждой сжималось и щемило сердце. Трагические, изуродованные развалины высоких зданий. Среди обломков и щебня копошатся люди с лопатами. Искаженное плачем лицо женщины. Строгая и прекрасная девушка у автомата, выбрасывающего ружейные патроны. Холмистая, наверное выжженная солнцем равнина, покрытая группами странных, не наших деревьев. По равнине, держа винтовки и пригибаясь, как бы неторопливо бежали кучки людей. («Республиканская пехота ведет наступление», — пояснил диктор). Колонна ребятишек с узелками в руках. Она двигалась между двух рядов взрослых, образовавших длинный коридор. Недетская, за душу хватающая печаль застыла на этих серьезных исхудалых личиках. Некоторые из малышей шли, не опуская трогательно и гордо поднятого кулачка («Трудящиеся Валенсии встречают детей, эвакуированных из Мадрида»).

Это была Испания. Мужественная, гордая, трагическая, родная.

... Оркестр в голове колонны грянул марш.

—Товарищи, станови-ись! Пошли!..

Красные знамена дрогнули и, покачиваясь, поплыли вперед. Шествие тронулось.

Крепко держа Люсю под руку, Прохоров шел мерным военным шагом. Еще несколько минут — и будет Красная площадь, и он увидит стоящего за мраморным парапетом Сталина! Последние отряды самолетов проходили в вышине.

Прохоров отбивал шаг, голова была поднята гордо и спокойно. Он знал, что где-то на трибунах, затерянный в тысячной толпе зрителей, стоит сейчас маленький испанский летчик и восторженно машет фуражкой крылатому, гудящему советскому поднебесью.

Присяга

А. Стоврацкий

Морозная ночь и длинна и тесна.
Туман нависает, как вата.
В тумане, за сопкой, чужая страна,—
Не враг ли за сопкою спрятан?
Куда ни посмотришь — вперед и назад —
Угрюмая темень густая.
В суровую ночь не смыкают глаза
Бойцы пограничной заставы.
Бойцы говорят о родимых местах,
О матери, брате, невесте...
Василий Баранов тихонько привстал:
— Хорошие с родины вести...
А родина, знаете,— дикий Урал,
На севере, возле Чердыни...
Колхоз урожай богатейший собрал,
Такой, что не спрячешь в овине.
Да вот беспокоются, как-то мы здесь
Живем на далекой границе?..
Ответил сегодня: „Для нас это честь,
А вам — пусть спокойнее спится:
Внимательно, зорко мы смотрим вперед,
Не пустим лихого соседа!
Случается так: человек и умрет,
Но смерть его будет победой!
За родину жизнью пожертвовать рад,
Но ляжет и враг у порога“...
Слова заглушили разрывы гранат,
И ночь разбудила тревога.

В холодный, трескучий, испуганный мрак
Отважные ринулись смело...
А враг наседал — многочисленный враг,
И битва во тьме закипела.
Десяток врагов на бойца одного...
Бойцов окрыляет присяга,
И славной советской земли часовой
Врагу не уступит ни шага...
Был ранен Баранов в неравном бою,
Штыками японцев исколот,
Но крепко держал он винтовку свою:
— Не сдамся: я — ловок, я — молод!
Но тянется к сердцу отточенный штык,
Враги окружают теснее...
Слабеет рука и немеет язык,
Шинель набухает, краснея...
Последний удар... И сверкнул фейерверк —
Слепящие брызги фонтанов...
Глаза потускнели и свет в них померк,
И рухнул Василий Баранов...

Очнулся... Враждебные лица вокруг.
Халаты. Мундиры конвоя.
С трудом осмотрелся и понял все вдруг
Советский израненный воин.
— Прощай, моя родина! Здесь мой конец!
Свобода сменилась тюрьмою!
Уйдите,— сказал санитарам боец, —
Я сам свои раны обмою...
Склонился к подушке. Устал и ослаб.
Пылают глубокие раны.
Но тащат бойца-пограничника в штаб
Глубокою ночью с охраной.
—„Скажи нам, где красные части стоят?
Где танки? И где батареи?“—
Колюч офицера пронзительный взгляд.—
„Ну что ж? Отвечай поскорее!
Быть может, укажешь, где аэродром?
Не ври, мы сумеем проверить!“
Боец приподнялся с огромным трудом,
В лицо посмотрел офицеру.
„По-русски вопросы он мне задает...
Из белых, должно быть, гадюка...
Изменник! Родную страну предает!“
В глазах у Василия мука...
И вспомнил он город. И майский парад.
„Я — сын трудового народа...“
Великая клятва звенит, как набат,
И реет, как знамя свободы.
„Я сын... Трудовому народу служу!“..
И вымолвил твердо Баранов:
— Я вам никогда ничего не скажу...
Горели глубокие раны.
В ушах громыхал изнуряющий звон...
Ссыхались горячие губы...

И чтобы не выдать мучительный стон,
До боли он стискивал зубы.
В сознаньи рвалась путеводная нить,
И медленно таяли силы.
„Отчизну продать?... И — стране изменить?
Не сдамся до самой могилы!“
—„Ответь на вопросы, и будешь богат...
И ждет тебя слава, свобода!..“
А в мыслях вставал первомайский парад...
„Я — сын трудового народа...“
И сам Ворошилов смотрел на него
И вихрилась дробь барабанов...
—Я вам никогда не скажу ничего!—
Ответил Василий Баранов.

Ни раны, ни голод, ни злость палача,—
Ничто не сломило героя.
Он пытки терпел и упрямо молчал,
Лишь глухо стонал он порою.
Когда же, мучительной болью объят,
Слабел и не видел исхода,—
Вставал в его памяти майский парад...
„Я — сын трудового народа...“
Вставала страна... и колхоз-богатей...
Зеленые тучные пашни...
Веселые стайки счастливых детей...
И домен пылавшие башни...
Все это ему доверяла страна —
Хранить и беречь, как святыню.
„Предать?— Никогда!“... А рука холодна,
И сердце горячее стынет...
„Отчизна родимая!... Родина-мать!..
Я — сын твой! Но я — не Иуда!
Я буду страдать, я пойду умирать“.
И, с жизнью короткой простясь навсегда,
С презреньем взглянул на тиранов:
— Я вам ничего не скажу никогда!..
И умер Василий Баранов...

Вл. ЛИДИН

ПЕСНЯ

Рис. И. Гринштейна

На кораблях проиграли зорю, и флаги медленно поползли книзу, навстречу вечеру. Вечер, голубой и бесплотный, стоял над всеми этими прибрежными дачами, санаториями и робко тронутыми апрелем садами. Теперь начинались часы, когда переборы струн и негромкие спевки в хоровых, в музыкальных кружках заполняют простор освобожденного вечера.

К вдове оперного тенора Сиверской пришли трое молодых краснофлотцев из военного санатория. Ее дача стояла высоко на горе, и отсюда, из садика с черство хрустящим под ногами гравием, было видно море, слитое с небом, одного с ним голубоватого, дымного цвета, какой бывает лишь в эту пору весны. Только легкие атласные складки прибоя обозначали, что оно живет, дышит, движется. Двое из краснофлотцев остались внизу, а третий, худощавый и высокий электрик Суслов, поднялся по ступенькам застекленной террасы. Широкий воротник матросской блузы открывал его тонкое горло певца, тоже тенора, первого запевалы в краснофлотском хоровом кружке. Немолодая женщина с платком на плечах открыла ему дверь терраски.

— Мне нужна товарищ Сиверская, — сказал Суслов твердо, козыряя женщине.

— Я — Сиверская, — ответила та. — Что вам угодно?

Лицо у женщины было усталое; серые, все еще прекрасные глаза смотрели на пришедшего; синеватая худая рука зябко поправила платок на плечах. Апрель был свежий, приморский; острые листики миндаля едва стали вылупливаться из тугих почек.

— Мы к вам, товарищ Сиверская, вот по какому делу, — сказал теперь Суслов. — Наш краснофлотский хоровой кружок участвует завтра в концерте в городском театре. Будут, конечно, и сольные номера, певцы и пляска. Нам бы очень хотелось, чтобы вы посетили концерт... есть у нас кое-какие голоса, поем понемногу. А вы ведь в жизни послушали пение, нам ваше мнение особенно интересно.

— Я, право, так вам благодарна... — сказала женщина растерянно. — Я, конечно, приду, хотя и нигде не бываю... Вы что же, значит, Валентина Леонидовича помните? Я думала, что молодые и имени-то его уже не знают.

— Таких, как Валентин Леонидович, было на нашей сцене два-три и обчелся, — сказал Суслов серьезно. — Конечно, многим послушать его не пришлось, но имя Сиверского знают.

Серые глаза женщины вдруг наполнились слезами; она смотрела мимо сквозь стеклянную дверь, на море, на далекую и легкую его синеву; рука сжимала край платка с бахромой. Суслов стоял в стороне, высокий и прямой; золотая надпись на его бескозырке мерцала. Была какая-то связанность с прошлым в этом высоко взнесенном на гору жилище. Голос необычайной чистоты, напряженности пел в этих комнатах, разучивал арии. Широким медлительным адажио поднимался он над залом оперного театра, в котором раз, подростком, пришлось ему, Суслову, послушать знаменитого тенора, чтобы навсегда плениться искусством...

— Я непременно приду на ваш концерт, — сказала женщина, стряхнув мгновенные воспоминания. — Спасибо, что не забыли Валентина Леонидовича... Как ваша фамилия?

— Суслов.

— Вы очень меня тронули всем этим, товарищ Суслов. Валентин Леонидович любил молодежь и учил ее, и отдавал ей, пока мог, все свои силы.

Суслов откозырял еще раз, протянул женщине билет и спустился в сад по ступенькам террасы. Краснофлотцы — один, тоже электрик, Демин и другой, маленький черноватый кочегар Воробьев, — дожидались его на отдаленной скамеечке. Оба были в хору первыми голосами, и на их еще не совсем вызревшие баритоны возлагал надежды руководитель кружка, старый театральный деятель Шумский.

— Ну, браты, обещала, придет, — сказал Суслов, чуть стыдясь, что пережил только что это необъяснимое высокое чувство в жилище артиста.— Вы, конечно, Сиверского никогда не слыхали, — добавил он еще возбужденно, — ну, а мне пришлось раз, давно. Мировой голос... так бы спеть разок — и ничего лучшего не надо!

— Нам бы очень хотелось, чтобы вы посетили концерт.

Он был доволен, это была их затея — всех троих — пригласить вдову певца, сказать ей, что помнит еще молодежь славное имя Сиверского и что сама поет, как умеет... Он легко шел впереди, размахивал руками; какая-то неспетая песня словно стояла в его горле. Вскоре они спустились вниз к пристани. Далеко и еще незряче в этом все еще бесплотном и только чуть гуще поголубевшем тумане зажегся огонь маяка. Все были в хоровом кружке уже в сборе, и маленький лысоватенький Шумский, бывший оперный певец и театральный деятель, поднял обе короткие ручки, чтобы слить в высоком вступлении молодые, еще неокрепшие голоса.

Концерт краснофлотских хоровых и музыкальных кружков состоялся в городском театре, и уже к семи часам вечера гудела до самых верхов эта изукрашенная лепными лирами и свитками нот раковина театра, полная голубых матросских воротников, золотых пуговиц, стука башмаков и разноречивого бормотания скрипок в оркестре. И Суслов, подбегавший уже не раз к глазку в театральном занавесе, испытывал сладостное волнение артиста. Среди знакомого окружения матросских лиц необычно белела в первом ряду седая голова Сиверской. В вечернем бархатном платье, как бы оттеняя значительность этого первого публичного испытания сил, величественно сидела женщина в кресле. Потом все стало затихать, прозвонили звонки, на сцене уже рассаживались, двигали стульями и пюпитрами, — струнный оркестр учебного судна «Победа» готовился к «Фантастической симфонии» Берлиоза.

Кочегару Воробьеву, которому вместе с Сусловым предстояло во

Фото Мазелева

В часы досуга.

втором отделении спеть дуэт из «Евгения Онегина», показалось, что он охрип. Прикладывая руку к груди, он пробовал за кулисами голос, откашливался, выпил тайком сырое яйцо, сразу осунулся от пережитого заранее провала. Но выступить все же пришлось, и они вышли на сцену — Онегин и Ленский, — обостренно ощущая выжидательность зала. Аккомпаниатор взял первые аккорды вступления. Суслов прикрыл глаза, выждал такты.

— Враги! Давно ли друг от друга... — начал он, и низкий баритон Воробьева тотчас же как бы траурно повторил это его вступление.

Теперь голоса их связываются одним драматическим напряжением, стеснение проходит. Они поют, обращенные друг к другу, и торжественная и полюбившаяся с отроческих лет музыка Чайковского подтверждает это взаимное раздумие соперников. Только что делили они часы досуга, дела, мысли, чувства, ныне — подобно врагам — стоящие друг перед другом на этом воображаемом поле поединка.

— Не засмеяться ль нам, пока не обагрилася рука? Не разойтись ли полюбовно?.. — продолжает Суслов, обращаясь к недавнему другу. И голоса их переходят в один общий, трагический, полный неизбежности голос заключения: — Нет! Нет!

Зал, знакомо выжидавший завершения дуэта, сразу оживает, щедро и оглушительно хлопают матросские крепкие руки, и тогда приходит вдруг прилив сил, голосовой напряженности. Суслов стоит теперь один у самого края сцены, горло его набухло звуком в широком вырезе матросского воротника. Лепная маска фавна на ложе помогает сосредоточить внимание.

— Еще в полях белеет снег, — начинает он первые слова романса, — а воды уж весной шумят...

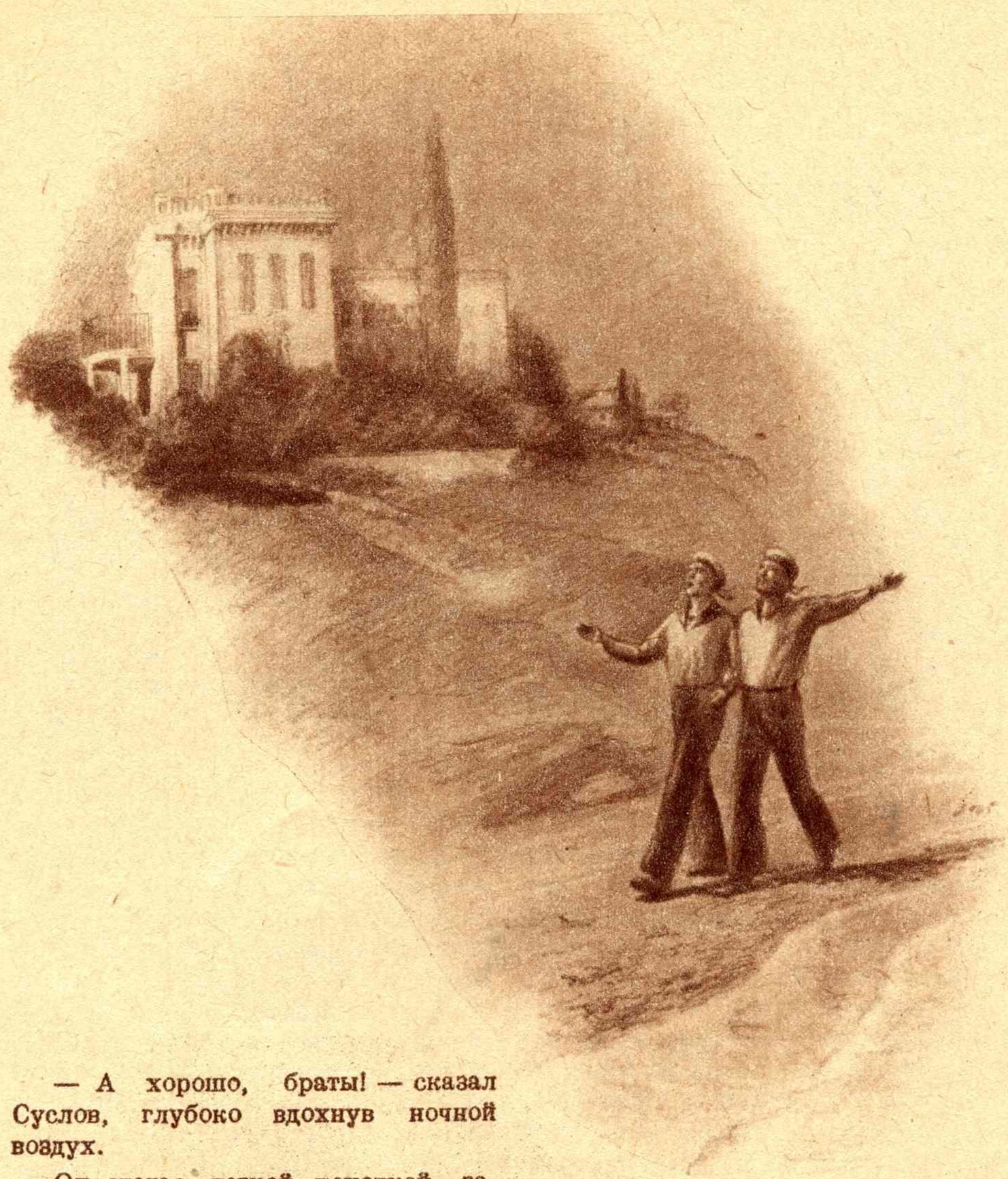
Есть в музыке, сопровождающей это вступление, прохлада весеннего половодья, снежных берегов, предчувствия марта, за которым возникает холодноватый приморский, с набухающими почками миндаля, апрель. Сейчас наступает то легкое чувство освобождения, когда без конца можно петь перед залом, с которым он связан до самых верхов, тесно заполненных всей этой любимой братвой — сигнальщиками, минерами, кочегарами, электриками и машинистами... И ряды отвечают плеском ладоней, стуком тяжелых башмаков и бесхитростными возгласами одобрения. Теперь очередь за князем Игорем — Воробьевым, за струнным оркестром с его мелким мелодическим ознобом мандолин, потом за Деминым с низковатой, похожей на перебирание гитарных струн, «Застольной песней» Бетховена, затем за хоровым кружком, над которым знакомо возденет свои пухлые музыкальные ручки Шумский...

В двенадцатом часу ночи краснофлотцы вышли из жаркого здания театра. Так же втроем, как посетили накануне уединенную дачу, они направились в сторону санатория. Суслов снова шел слегка впереди, прикрывая рукой разгоряченное горло. Он был еще возбужден этим вечером, пронесшимся успехом, дружелюбным одобрением матросской громады... Торопливо истаивала она в синеве ночи, спеша на корабли, в казармы, в училища. Апрель упруго доносил с моря свежесть.

Лев Черноморцев

Весна посевная

Земля!
Водою умывайся,
Травою сочною утрись.
Недаром крепко, по-хозяйски
Мы за тебя теперь взялись.
Бренчит подойником доярка,
Перебегая через двор...
Уже доносится из „парка“
Машин железный разговор.
Как все исполнено стремленья!
И стук машин,
И бег ручья...
Не потому ль под дождь весенний
Ладони подставляю я.
Весну встречая посевную,
Не потому ль, открыв окно,
Ловлю я каплю дождевую,
Как полновесное зерно!



Оба их голоса слились...

— А хорошо, братьі — сказал Суслов, глубоко вдохнув ночной воздух.

Он шагал легкой походкой, засунув руки в карманы брюк, окрыленный этой ночью, далекими огнями кораблей, своей судьбой моряка, песнями, которые еще свежо дрожали в его горле. Скоро они подошли к белому широкому зданию санатория. Далеко внизу посылал свои переменные лучи маяк. Деревья были еще голы, но их незримые соки как бы чувствовались в набухании этих, видных даже ночью, почек. Краснофлотцы постояли еще в саду, чтобы поглубже набрать на ночь воздух.

— Интересно, конечно, послушать, что о нас со стороны думают,— сказал еще Суслов. — Братва ведь наша такая — хоть и соврешь, а простит. А вот послушать, что Сиверская про наше пение скажет...

Санаторий уже спал, и на ночных столиках была оставлена для опоздавших простокваша. Воробьев наскоро поел простокваши и лег. А Суслов долго еще стоял у окна, смотрел на далекое море, на огонь маяка, на всю эту полную весны, надежд, обещаний ночь. Потом он тоже лег, завернулся с головой и уснул.

Завхоз санатория, маленький, похожий на яблоко, караим Ибрагимов разыскал под вечер другого дня Суслова.

— Ну, Суслов, — сказал он ему, подмигнув веселым глазом. — Тебе, наверное, наследство от Сиверской.

И он протянул ему тщательно перевязанный тяжелый пакет с подсунутой под веревку запиской. Суслов взял из его рук пакет и прочитал записку.

«Валентин Леонидович вышел сам из народа и больше всего мечтал о музыкальном образовании для него, — было написано на листке женским почерком. — У меня нет ничего лучшего, что я могла бы послать вам, товарищи, как этот записанный его голос».

Это были пластинки, черные лоснящиеся диски, на которых таинственной тончайшей спиралью записан был исчезнувший голос певца. Суслов взял обеими руками пакет и понес его в дом. В большом зале санатория весенние сумерки едва тронули окна.

Деревья, бородавчатые от почек, неподвижно простирали сучья в верхних углах окон. Суслов достал одну из пластинок и осторожно положил ее на матерчатый диск стоявшего в углу граммофона. И из какого-то глухого пространства, из прошлого, облагороженное временем, как бы очищенное этим внезапным своим возвращением, хлынуло пение, голос сладчайшей высоты и напевности, тот самый, пленивший его, Суслова, в отрочестве...

Краснофлотцы сидели в голубеющем зале, слушали и сменяли пластинку за пластинкой.

— Да... — сказал затем со вздохом Воробьев. — С такими песнями корабль в поход поведешь — и труда не заметишь. Наши краснофлотцы товарищу Сиверскому вроде как хорошему командиру спасибо скажут!

Они переиграли все пластинки, и Суслов бережно сложил их обратно в сверток. Апрельский вечер едва засинел, до ужина было далеко, в доме после песен казалось тесно. Суслов отнес сверток в комнату и вышел на широкую террасу санатория. Весна стояла между деревьев. Он пошел по дорожке вниз, хрустя гравием. Скоро его нагнал Воробьев. Ступени лестницы вели вниз, к морю. Ленивая волна набегала на берег и шелестела мелкими камнями и обломками раковин. Моряки пошли вдоль берега, у самого края воды. Наверху, на горе, зажигались первые огни. Большой и белый, как корабль, плыл санаторий прямо в этот синеющий простор моря. Высоко в стороне стояла уединенная дача Сиверской, которую посетили они втроем накануне. И песня, как-то влажно и полно стоявшая в самом горле, прорвалась.

— Раскинулось море широко, — начал своим высоким голосом старую матросскую песню Суслов.

— Раскинулось море широко...— повторил низковатый баритон Воробьева. — И волны бушуют вдали. Товарищ, мы едем далеко, далеко от нашей земли...

Теперь оба их голоса слились; они уходили наверх, к этим набухающим почками садам, к миндальным деревьям, к открытым окнам дач, домов, санаториев. И Суслову показалось, что на ступенях застекленной террасы, к которой пришли они накануне, увидел он седую непокрытую голову. Может быть, донеслась туда эта спетая от полноты молодых сил, надежд, чувств песня, преемница песен, которыми щедро из прошлого одарил сегодня их Сиверский. И Суслова вдруг всколыхнуло от счастливого чувства — так полно он ощутил в этот миг, что не исчезает песня, не поглощается временем, а только зацветает с каждым годом снова, как эти полные соков деревья.

Далекий переменный огонь маяка зажегся, исчез, возник снова. Теперь, уже слитые этим взаимно разделенным чувством, далеко уплывали их голоса — просторным и неторопливым адажио — в самую глубину синебесплотного и похожего на весенний разлив вечера.

Красноармеец Я. ГРИДИН

Ночь спокойна. Яркие, живые
Вздрагивают звезды над рекой.
Мы в дозоре — парни боевые —
Стережем родной страны покой.
Эхо прозвучало за рекою,
Громовым раскатом пронеслось,
Шел шпион звериною тропою,
Но пройти в страну не удалось.
Снова тишь. Звезда звезде мигает,
Спят во мгле колхозы, города,
Спит страна — спокойно отдыхает:
Силы набирая для труда.
Пусть хлеба растут и колосятся,
По тайге проходят поезда,
Пусть заводы, фабрики дымятся,—
Мы стоим с оружьем на постах.
Волны плещут в молодом задоре,
Ветер фронт обходит боевой,
Ночь тиха. Мы в сталинском дозоре
Охраняем родины покой!

Политрук
Л. ЛОМАЗОВ

ТАНКИСТ

Ночь лунная, ветреная. В лесном мраке беспокойно шуршат листья на деревьях, ползут подозрительные шорохи. У внезапно разбуженной птицы вырывается резкий крик.

Замаскированные танки кажутся мохнатыми чудовищами.

Возле передней машины стоит Федор Дудко. У него худое и скуластое лицо, высокий лоб, сросшиеся у переносицы черные брови. Вот он нагнулся и прикрепил в удобном месте электрическую лампочку. Движения его быстры, точны. Ловко и уверенно Дудко снимает броню с машины. Он спешит во-время проверить танк, чтобы не оказаться в когтях у «противника».

Издали доносится едва уловимое постукивание молотка, скрежет отвинчиваемых гаек и болтов.

Дудко отрывается от работы и напряженно всматривается, затаив дыхание, в лесной мрак. Он словно сверлит его глазами, пытаясь проникнуть в тайну проклятого болота. Зыбкая топь тянется на несколько десятков километров в длину. Обойти ее никак нельзя. Нужно решить, с какой стороны к ней подойти и как именно. «Противник» никаких укреплений не возводил, имея в виду непроходимое болото...

Прибыло спешное приказание — немедленно выступить. Дудко быстро вскочил в машину, сел за рычаги.

Командир скомандовал:

— За-во-ди!

Мотор взревел, минутку работал вхолостую, а затем танк мягко сорвался с места и плавно понесся вперед. Но это продолжалось недолго. Путь танкам преградили густо растущие деревья. Маневрируя, танки делали множество поворотов. Вся колонна извивалась, как змея. Но лесная глушь все плотнее сжимала танковую колонну.

Тогда Федор Дудко включил большую скорость и, получив разгон, начал крушить танком деревья. Оглушительный грохот раздался кругом. Лес гудел от треска падающих деревьев, от рева разъяренных танков.

Спокойно и уверенно работал Дудко. Каждый раз, подъезжая к дереву, он включает сцепление, снимает рычаг с передачи, и танк, рванувшись, сбивает дерево на уровне нижней части люка.

Тяжелая и рискованная работа — ломать деревья. Опоздай на секунду выжать сцепление, и танку капут. Дудко думает: «Вот где пригодилось кружение «солнца» на турнике. Недаром нарком говорил: «броня не терпит дряблых мышц». Это верно: танкист должен быть отличным физкультурником.

Вдруг к горлу Дудко подступил кашель. Это «противник» поставил дымовую завесу. Федор старается реже и умереннее дышать носом. Его танк быстро пробивается сквозь плотную молочную струю и приближается к исходной позиции.

Лес остался позади. Стало легко дышать. Дорога, пересеченная редким кустарником, спустилась к оврагу.

Светает. В волнистой синеве неба медленно тонет розовая луна. Дудко — потный и красный от духоты. От бензиновой гари слегка кружится голова. Ему хочется курить, хотя бы разок затянуться. Но это желание прошло, как только он заметил раскинувшееся впереди огромное болото. Местами оно белело сквозь обманчивую мшистую зелень. Кое-где торчали темные гниющие пни.

Командир колонны, капитан Войцек, многозначительно покачал головой и, вздохнув, спросил Дудко:

— Пройдем?

Капитан не раз преодолевал болота, реки и глубокие рвы на танке. Но это болото — особенное. Пожалуй, застрянешь — тут тебя «противник» и разнесет в пух и прах.

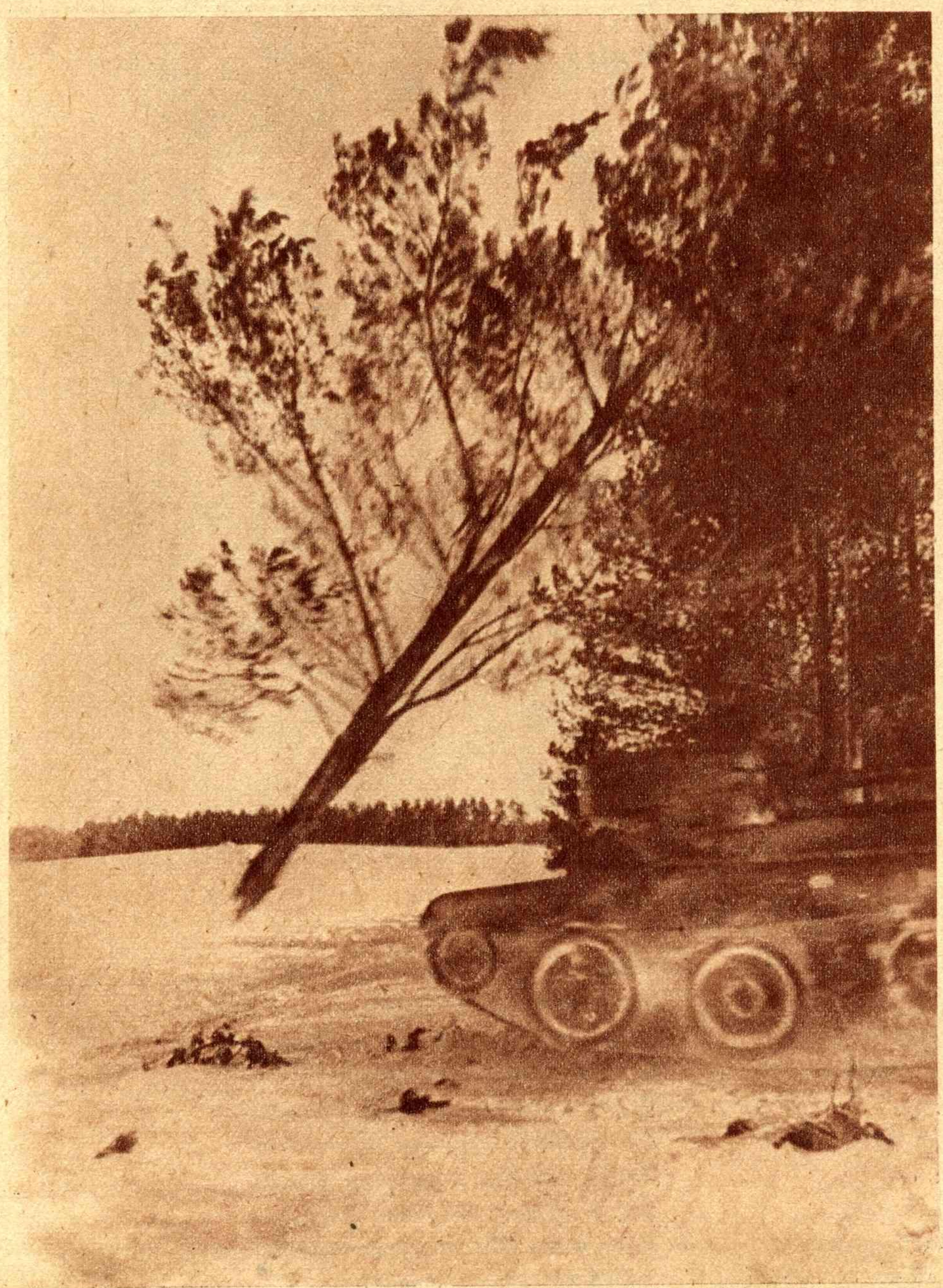
— Пройдем, товарищ капитан! — уверенно говорит Дудко и включает самую большую скорость.

Машина летит вперед, а Дудко направляет ее гусеницами на пни, чтобы случайно танк не сел на них своим брюхом. Из-под гусениц снопами вылетает грязь. Танк замедляет ход, так как грязь цепко засасывает гусеницы.

Дудко нажимает на газ доотказа. Последнее усилие — и машина благополучно выбралась на другой берег.

Вслед за Дудко перебралась и вся танковая колонна.

Фото Ф. Кислова



Танк ломает дерево.

Фото Б. Фишмана

Танки на Красной площади.

Где-то совсем близко разорвался снаряд. Это дал о себе знать «противник». Стрельбой из противотанковых орудий, гранатами «противник» пытается остановить движение танков.

По колонне сигналами передается приказ:

— Впереди пушки «противника». Атаковать!

Танк Федора Дудко приближается к оврагу, спускается по горе и стремительно бросается вперед. Танки расходятся в две разные стороны.

Внезапно окружив «противника» с обоих флангов, они смяли его орудия и уничтожили их.

Федор Дудко быстро открывает люк и жмурится от резкого солнечного света.

— Великолепно, — говорит он и жадно вдыхает ароматный утренний воздух.

Кончалась осень 1937 года.

Москва. На Красной площади — первомайский парад. Десятки тысяч людей с восхищением рукоплещут стройно проходящим полкам Красной Армии.

Четко шли отважные пограничники. Они зорко глядели вперед и держали новенькие винтовки навесу.

А за ними появилась красная кавалерия, легендарная конница, цокая копытами по мостовой.

Бесшумно приближались бронированные автомобили, красиво убранные цветами. Быстро проезжают они, маяча красными флажками.

А вдали уже нарастал мерный гул моторов, лязг гусениц. Это двигались танки. Они вытянулись зеленой ровной лентой и, вползая на Красную площадь, все быстрее и быстрее приближались к правительственной трибуне. Возглавлял колонну танк, управляемый Федором Дудко. Дудко был взволнован. В его памяти всплывали картины безрадостного детства. А теперь он, бывший беспризорник, управляет могучим танком «Маршал Ворошилов», и на него смотрит вся Москва. Тысячи людей им гордятся и завидуют.

Часто Федор отрывает глаза от приборов и глядит сквозь смотровую щель. Он видит на правительственной трибуне любимого Сталина и его боевых соратников. Дудко охватывает великая радость и непреодолимое желание захлопать в ладоши и кричать так «ура», чтобы его сам Сталин услышал. Товарищ Сталин пристально смотрит на танковую колонну. Федор еще раз взглянул на приборы, а затем снова на трибуну.

Он мгновенно включил самую высокую скорость. Танк «Маршал Ворошилов» пронесся вихрем мимо трибуны.

Танки грохотали. Светлосиние, едва заметные дымки и правильная осечка свидетельствовали о хорошей регулировке и четкой работе моторов.

Гремело раскатистое «ура». Играла музыка в разных концах площади.

Все смешалось в сплошном гуле восторженной радости. И бесстрашные летчики, которые на высоком советском небе написали самое любимое имя трудящихся всего мира, и внизу октябрята с шарами, пионеры с моделями планеров, девушки с длинными черными косами и светловолосые — все от мала до велика восторженно кричали:

— Сталин!!!

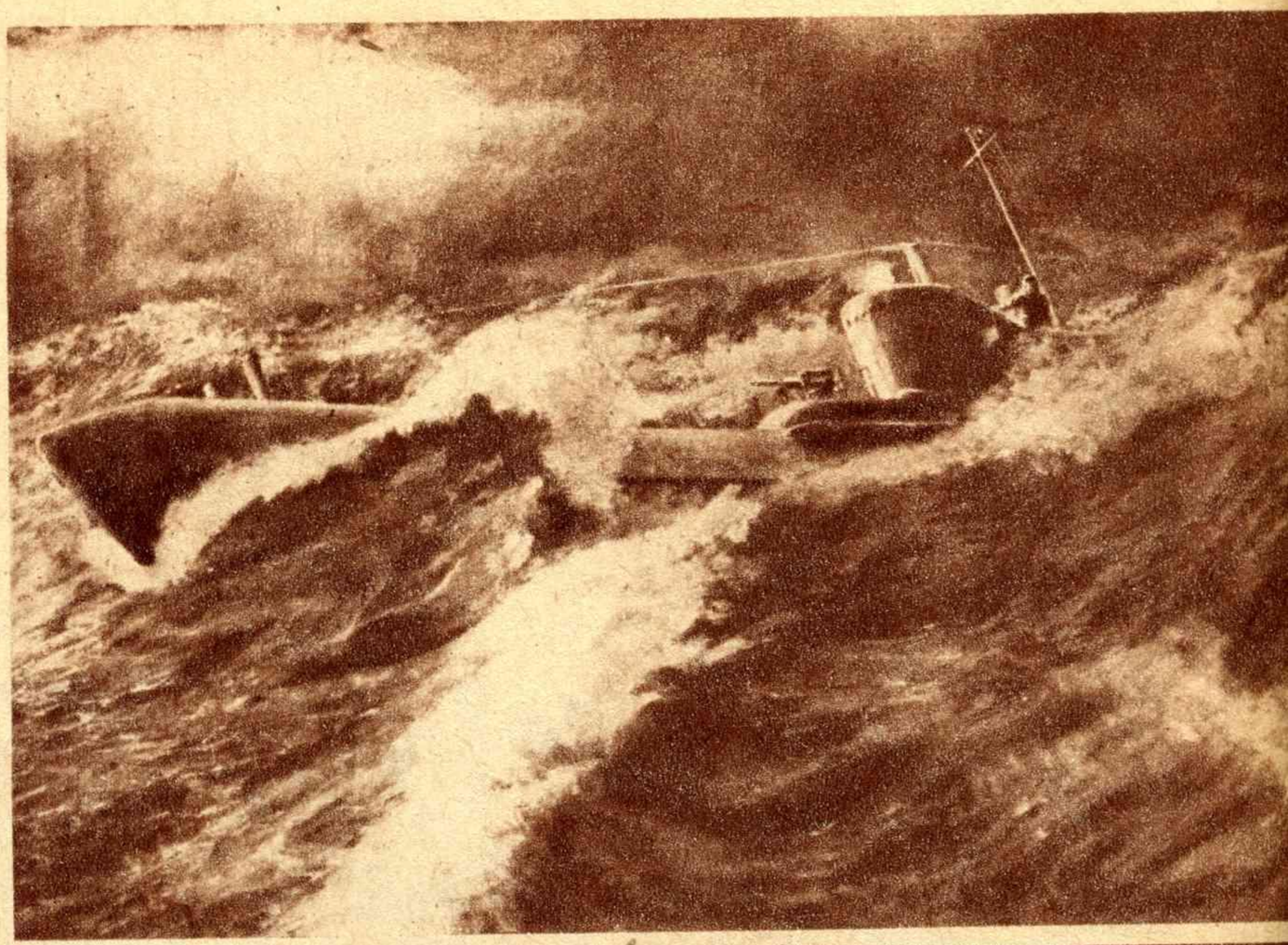
Даже сквозь рокот моторов Федор Дудко слышал:

— Спасибо Сталину за счастливую жизнь!

И вместе со всеми, пересиливая гул, кричал Федор.

Когда он вылез из танка, командир передал ему, что товарищи Сталин и Ворошилов остались довольны его машиной.

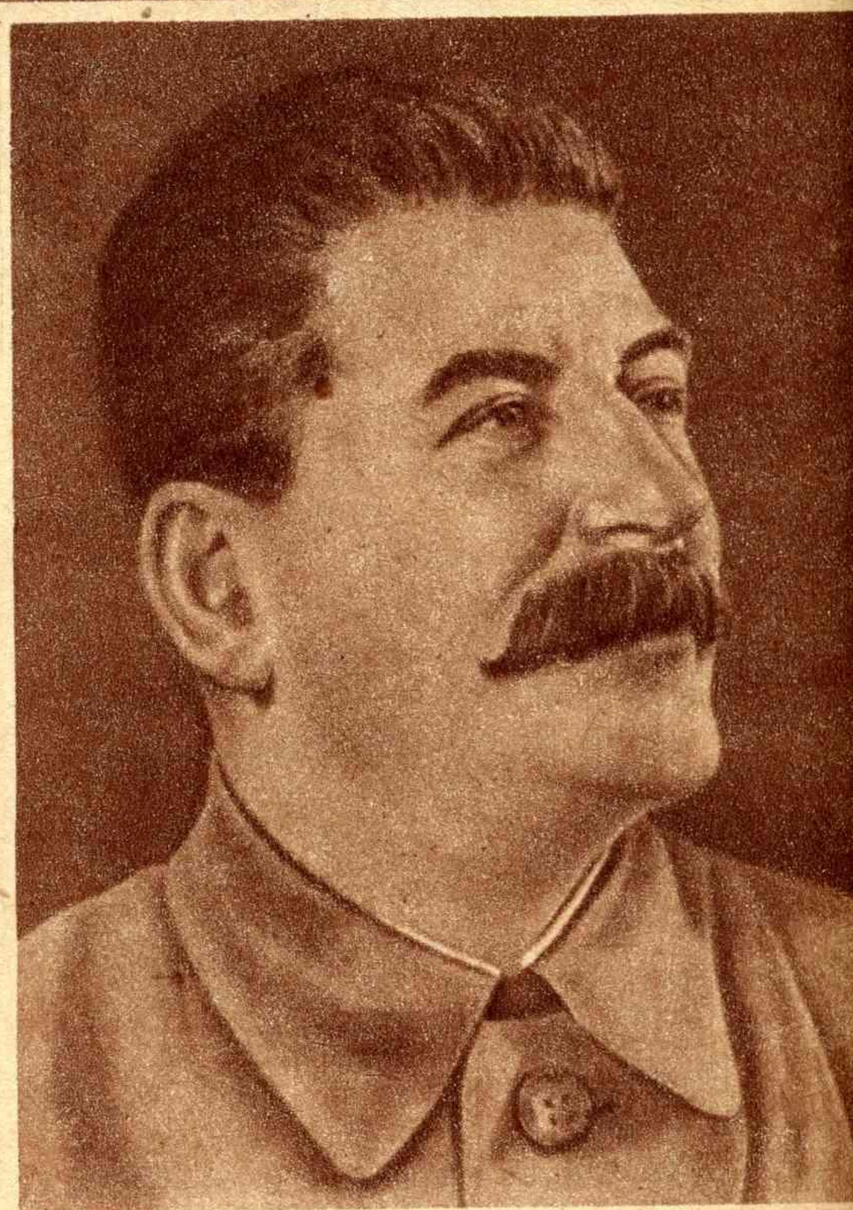
Сейчас танкист-орденоносец Федор Дудко готовится в Академию моторизации и механизации. Он будет инженером танковых машин.



„Подводная лодка в походе“. ↑ С карт. краснофлотца Корина.

← **„Туда прошел чужак“.** С карт. красноармейца Брагина.

„Разгром Корнилова“. С карт. ↓ мл. лейтенанта Домащенко.

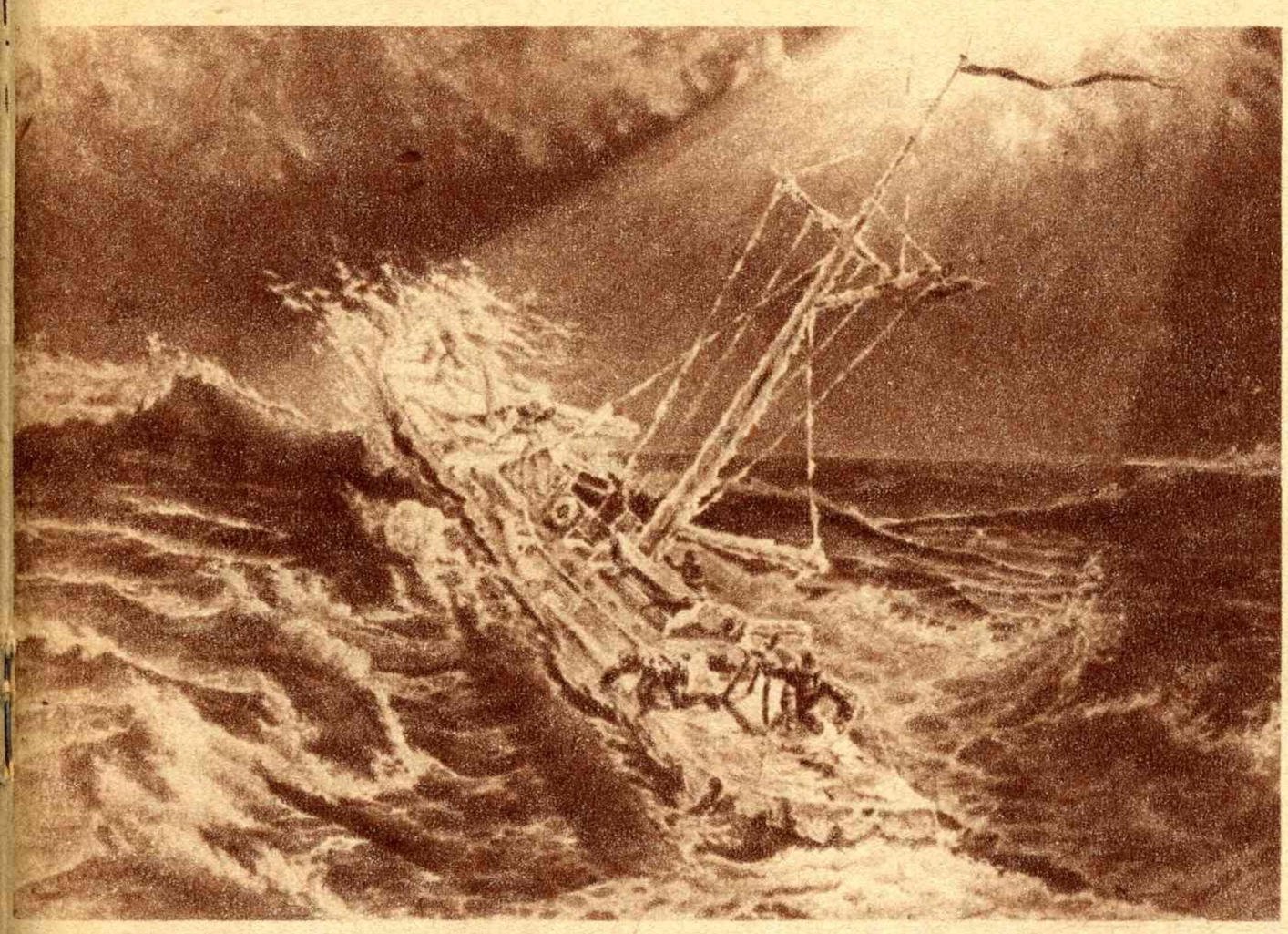


„Портрет товарища Сталина“. Акварель на шелку работ жены инженера 1-го ранга Забаровской.

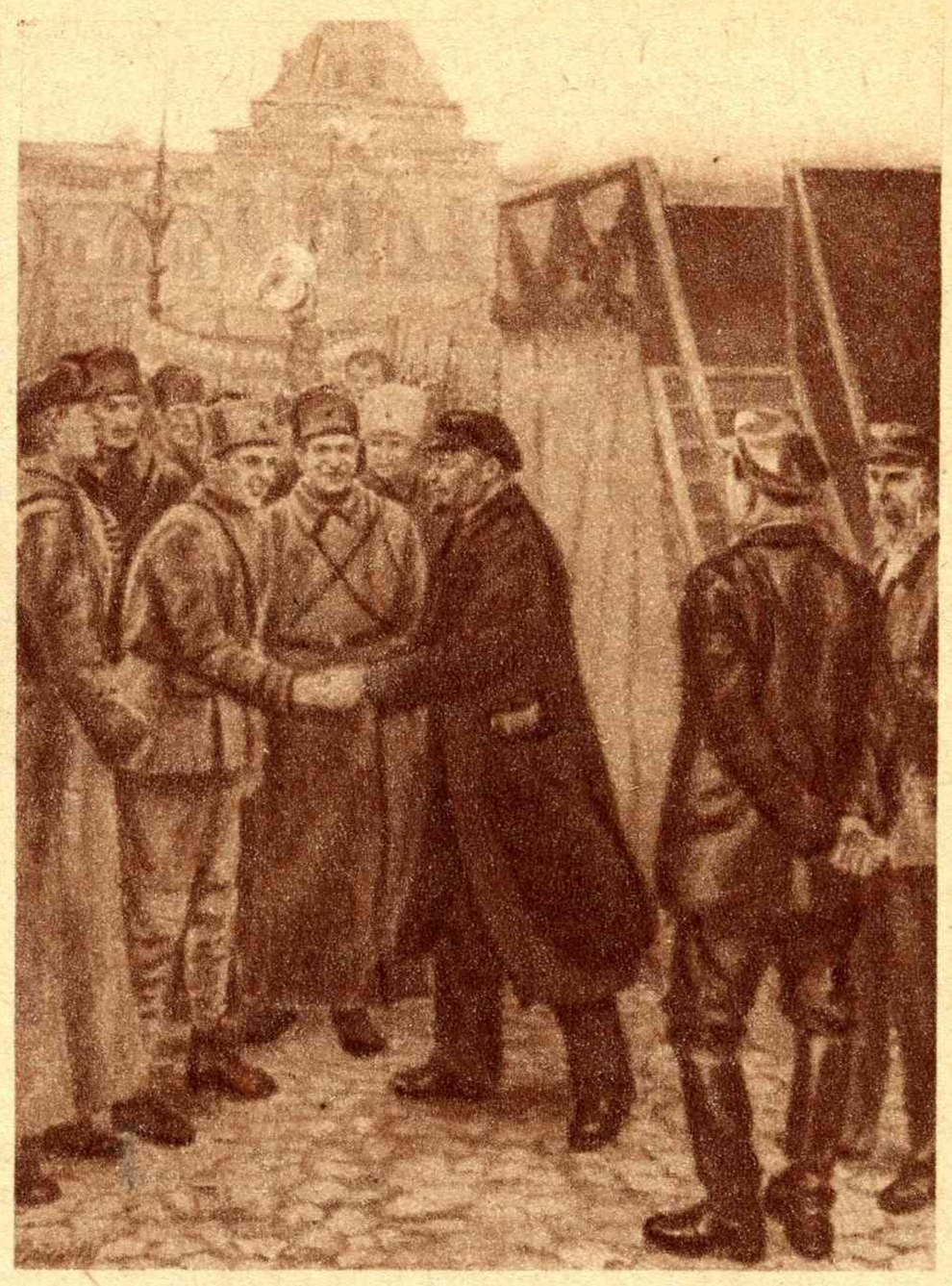
„Группа Блинова в тылу у корпуса Слащева“. С карт. мл. лейтенанта Домащенко.

„Сдача зимних норм на значок

МЫ ВОСПРОИЗВОДИМ НЕКОТОРЫЕ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКОВ-КРАСНОАРМЕЙЦЕВ И ЖЕН НА
ФЛОТА“ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ КР

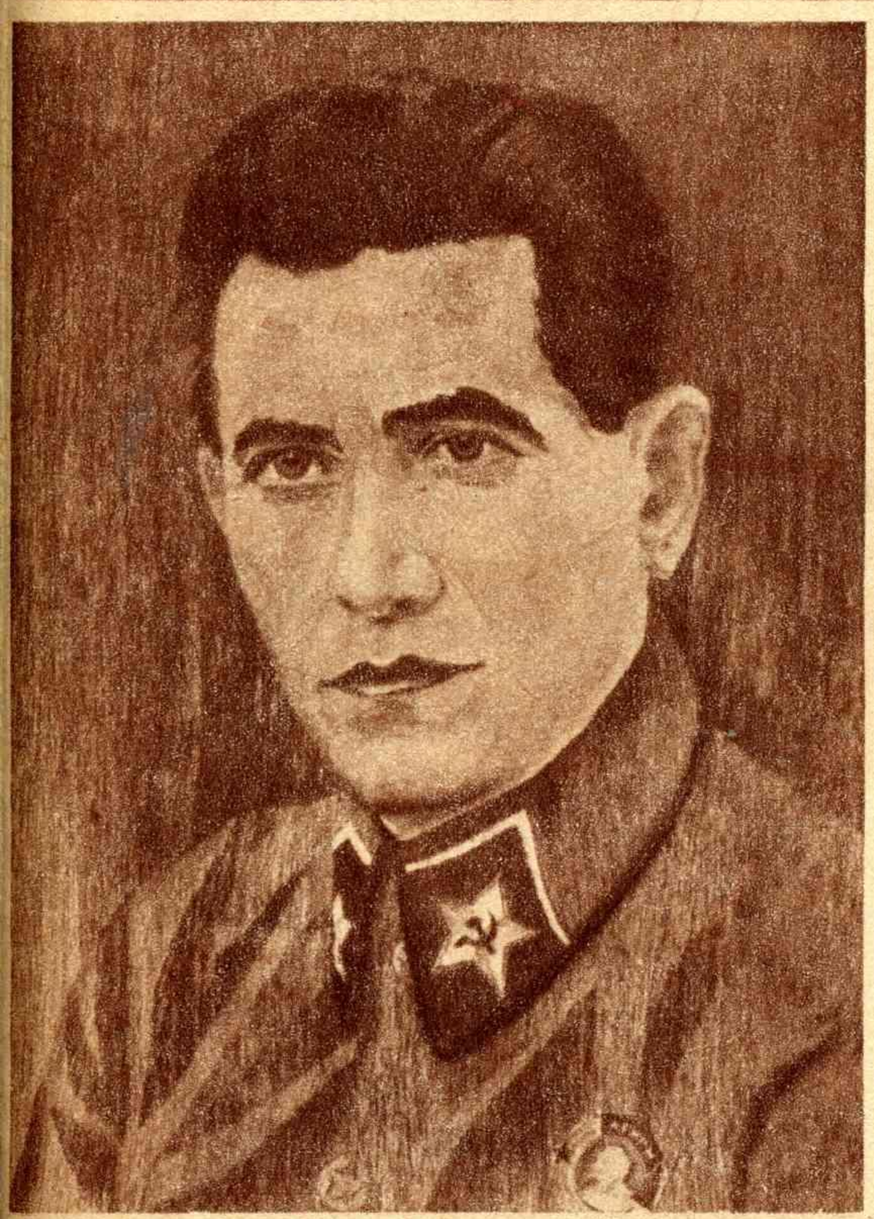


↑ **„В ледяном шторме“.** С карт. старшины базы Позднякова.

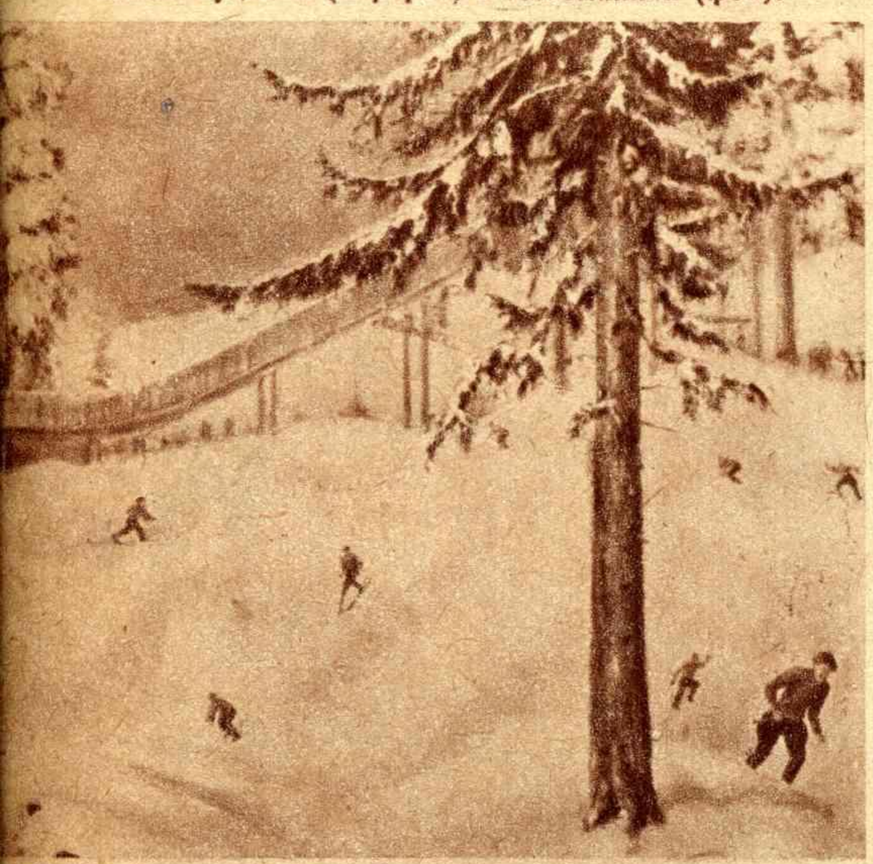


→ **„В. И. Ленин провожает красноармейцев на фронт“.** С карт. красноармейца Калинина.

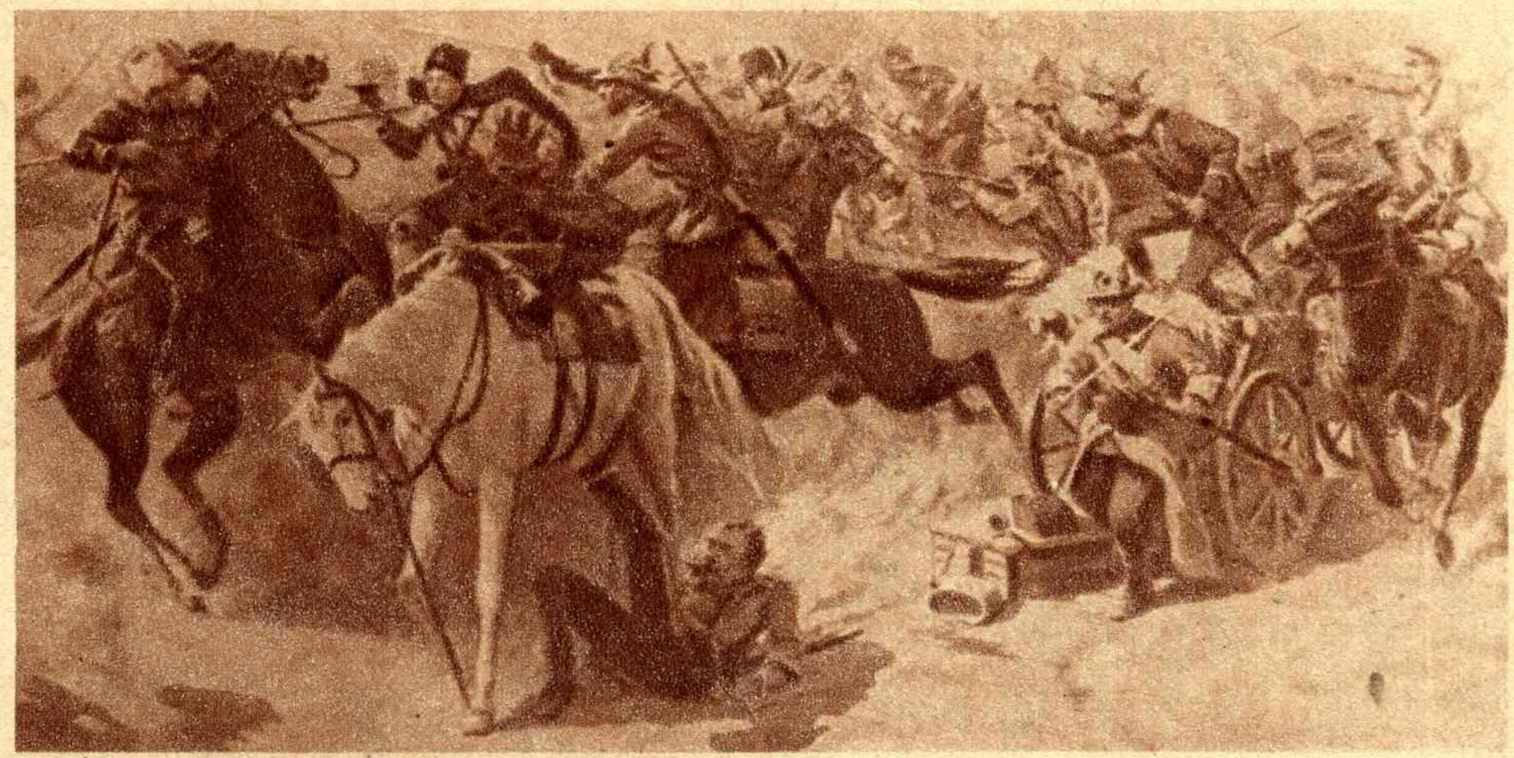
Потеря товарища“. С карт. ↓ красноармейца Бабасюк.



„Портрет товарища Ежова“. Вышивка работы жен начсостава Рудиной (портрет) и Латомкиной (фон).



. С карт. красноармейца Савенкова.



„Бой в селе Отрада“. С карт. мл. лейтенанта Домащенко.

СОСТАВА, ПОКАЗАННЫЕ НА ЮБИЛЕЙНОЙ ВЫСТАВКЕ „XX ЛЕТ РККА И ВОЕННО-МОРСКОГО
СНОЙ АРМИИ ИМ. М. В. ФРУНЗЕ.

Красноармеец
Л. ВАЙНЕР

Смелый

Косматые тучи заволокли небо и, казалось, цепляются за верхушки кедров, стеной высящихся по берегу Амура. Порывы сырого, весеннего ветра бьют по тайге, шумят ветвями сосен, раскачивают полно налитый Амур. Волны плещутся у самых ног, но воды не видно. Весенняя ночь накрыла все черным, непроницаемым покрывалом. Лишь по шуму леса да плеску волн можно определить, где тайга, где река.

Не доверяя таким ночам, Кудрявцев со своим помощником, овчаркой Смелым, отправился в обход участка.

На границе Кудрявцев четвертый год. Он отслужил срок и, полюбив свою опасную, но почетную службу, остался на сверхсрочную.

Такие ночи он встречал не впервые. Еще на Украине ему приходилось видеть их, но тогда фары «Сталинца» рассекали ночную тьму, а сейчас даже огонь папиросы мог выдать его врагу. Первое время ему хотелось в дозоре курить, но потом он настолько привык, что забывал о табаке.

Прошел час.

«Пожалуй, пойду», — подумал Кудрявцев, направляясь к посту.

Ветер стихал, и сосны почти не шумели, лишь плескал о берег Амур. На противоположном берегу громко крикнула сова. Кудрявцев насторожился. Минуты через три из чащи леса раздался протяжный, по-весеннему страстный, вой волчицы, такой, какой Кудрявцев слыхал не раз за годы своей службы. Но то, что вой раздался сразу после крика совы, вызвало у него подозрение.

Изредка доносился вой волков из глубины леса, шумели крыльями пролетающие совы, каркали спросонья вороны. Впереди раздался негромкий всплеск, будто выскочила из воды большая рыба. Кудрявцев вернулся. До рези в глазах напрягал он зрение, стараясь пронизать кромешную тьму.

Смелый тоже почувствовал что-то. Там, где глаза человека не видят, чутье собаки открывает следы нарушителей.

Как и хозяин, Смелый рванулся вперед. Он нервничал. Об этом свидетельствовал то натягивавшийся до боли в руке, то ослабевавший ремень. Смелый остановился так неожиданно, что Кудрявцев натолкнулся на него. Несколько минут Смелый крутился на месте, тихо повизгивая, потом бегом рванулся в сторону тайги.

«Здесь была высадка», — пронеслось в мозгу Кудрявцева.

— Ищи, дружок! Ищи, — тихо прошептал он.

Но Смелому не требовалось поощрений. Рванувшись вперед, он с силой тянул за ремень.

Кудрявцев бежал. Ветви хлестали в лицо, рвали одежду, цеплялись, не давая бежать. Нарушитель был опытный. Он знал тайгу, крутил след, делая петли, идя чащей, избегая тропинок. Прошел час. Светало. Дыхание со свистом вырывалось из груди Кудрявцева. Одежда свисала клочьями, ноги точно налились чугуном. Смелый все сильней и сильней тянул за ремень. Неожиданно ремень лопнул около самой руки, и Смелый моментально исчез в кустах. Кудрявцев остановился. Гнаться за собакой бессмысленно, а следа нарушителя не видно.

Нарушитель пересекал поляну. Оглянувшись, он увидел настигающего его пса. Уйти от собаки невозможно, и, зная силу клыков сторожевых собак, он крепче сжал браунинг.

Расстояние быстро сокращалось. Осталось шагов двадцать. Он поднял руку. Но сказывался долгий бег по малопроходимой местности. Рука дрожала. Несколько секунд он целится — и выстрел сухо щелкает по тайге. Еще миг, и он стреляет вторично в мелькнувший перед глазами серый комок. В этот момент острые клыки мертвой хваткой впиваются в горло.

Выйдя на поляну, Кудрявцев увидел нарушителя и лежащего на нем Смелого. Пес был еще жив, но в глазах уже витала предсмертная муть. Увидя хозяина, он чуть-чуть шевельнул хвостом и лизнул протянутые к нему руки. За год его службы это был восьмой нарушитель, задержанный им на восточной границе.

Тоскливо сжалось сердце Кудрявцева, когда он поднял тело собаки, друга, которого полюбил, к которому привык за время совместной работы.

На охране границы.

Виктор ГУСЕВ

Врагу не бывать на советской земле

Суровые тучи брели над Амуром,
Бродяга-тайфун пробирался вдали.
В одиннадцать тридцать японо-манчжуры
Границу советской земли перешли.
Лети, моя песня, залетная птица,
Скажи, чтобы Сталин услышал в Кремле:
Надежные люди стоят на границах,
Врагу не бывать на советской земле.
Прими донесенье, нарком обороны:
Мы твердо держались в неравном бою.
Жена лейтенанта носила патроны,
Оставив двухлетнюю дочку свою.
Японские пули над нами сверкали,
Но раны бойцов устрашить не могли.
Три наших товарища наземь упали,
Двенадцать врагов не поднялись с земли.
Свинцовые тучи идут над Амуром.
Суровые грозы сверкают вдали.
Разгромлена банда японо-манчжуров.
Священна граница советской земли.
Лети, моя песня, залетная птица,
Скажи, чтобы Сталин услышал в Кремле:
Надежные люди стоят на границах,
Врагу не бывать на советской земле.

Батальонный комиссар
Г. УСАТЕНКО

Повар Ючко

Рис. С. Зелихмана

Повар-инструктор Ючко обошел все роты и вернулся на кухню обиженным за свою поварскую профессию.

— Люди стали разборчивы в выборе профессии, — сказал он. — Это хорошо. Каждому хочется стать стрелком, артиллеристом, а поваром — нет. Понимаю. Но поймите и вы, дорогие товарищи, что в руках повара здоровье сотен и тысяч людей — самого ценного капитала в мире!

Он надел чистый халат, вымыл руки и подошел к столу, на котором лежал слой рассыпанной крупы. Внимательно рассмотрел ее сквозь лупу, провел поверху несколько раз куском магнита и, не обнаружив ничего постороннего, засыпал в котел. Подсобные красноармейцы, работавшие на кухне, с любопытством следили за этой процедурой.

— Я поваром стал на фронте, — продолжал Ючко после долгого молчания. — Был ранен в бою. А тут в повара к нам пробрался враг, и в самый момент наступления половина полка крепко полегла с животами. Вот тогда я подумал: на кухне — тоже фронт, и там иногда решается бой. Пошел к комиссару. Он меня и назначил поваром. С тех пор бессменно скоро двадцать лет служу своему полку. Интересное дело! У нас есть бойцы шести национальностей. Сумей угодить на вкус всех. О больных не говорю, для тех отдельная диэта, как врач пропишет. Что? Как на фронте? Ну, на фронте с диэтой трудно было устраиваться. А вот пробираться с кухней мы умели всюду, куда бы ни попадали бойцы.

Он заложил в котлы новые продукты и продолжал.

— Помню такой случай на восточном фронте. Третья рота стояла на отлете, за речкой. Из роты целый день никаких вестей не было. Комбат приказал доставить ей обед, а заодно и патроны в передке. Подъезжаем к реке. К мосту крутой спуск. За мостом деревня, там должна быть и рота, как нам сказали в штабе. Перед самым спуском выходит из кустов наш разведчик и говорит встревоженно:

«Гоните назад! Третья рота окружена колчаковцами».

Глядим, и верно. Вроде мы в тыл к белым попали. Оба берега ощетинились друг против друга. С той и с другой стороны возле моста стояли пулеметы. Я говорю разведчику:

— Ты беги скорее за подмогой, чего терять время? А мы должны накормить ребят, да и в патронах они нуждаются.

Разведчик скрылся. А белые нас уже заметили. Снизу от моста кричали:

«Обед, обед приехал!»

Отдельные смельчаки, несмотря на стрельбу, уже бежали к нам с котелками. Видно, тоже проголодались. Как же, думаем, для вас старались!

— Ну, как, Егор, — спрашиваю товарища, — пойдем на прорыв?

Егор был угрюмый и неразговорчивый парень. Он только кивнул головой и покрепче взял вожжи в руки. Лошади его никогда не подводили.

— Тогда так, — говорю. — Твоя задача: что есть духу с горы на мост к своим. Вроде нас лошади понесли, понял? Белые нас приняли за своих и не сразу спохватятся.

А сам завинтил покрепче крышку кухни и приготовил две гранаты, я всегда их потихоньку держал про всякий случай. Мы неслись с горы, как на скачках. Кухня наша прыгала из стороны в сторону, но держалась молодцом. А я для большего эффекта кричал во все горло:

— Держите, лошади взбесились! Держите.

Да где там — держать! От нас сторонились, как от пожарной машины. Дело было под вечер, дым и пар окутывали кухню, так что ошибку свою беляки поздно заметили. Только когда мы очутились у самого моста, их пулеметчики вдруг засуетились. Но я метнул в них на обе стороны гранатами. Мы проскочили стометровый мост и сразу скрылись в деревне. Весь красный берег хохотал над оторопевшими белыми и их обманутым аппетитом. Нас радостно окружили. Мы с Егором открыли кухню и сказали командиру и бойцам:

Фото Н. Сальмана

Проба пищи в красноармейской столовой инструктором поваров.

— Обед подан. На первое и на второе каша. Не обессудьте. Доставка к вам, сами видите, трудновата.

Ночью колчаковцы побежали.

Ючко посмотрел в котлы и сказал:

— Бывают всякие переплеты. Нас часто звали «обозными котелками». Да и сейчас еще такой взгляд не весь выпарился. А зря! Наши обозники не только питали аккуратно свой полк продовольствием и боеприпасами, но и сами участвовали в боях. Однажды, уже на западном фронте, нашему полку пришлось туго, когда на него навалились два полка белополяков. Мы все — ездовые и повара, — узнав об этом, по своей инициативе забрали винтовки, запасные пулеметы, неожиданно напали с фланга и навели такую панику на поляков, что они позорно побежали.

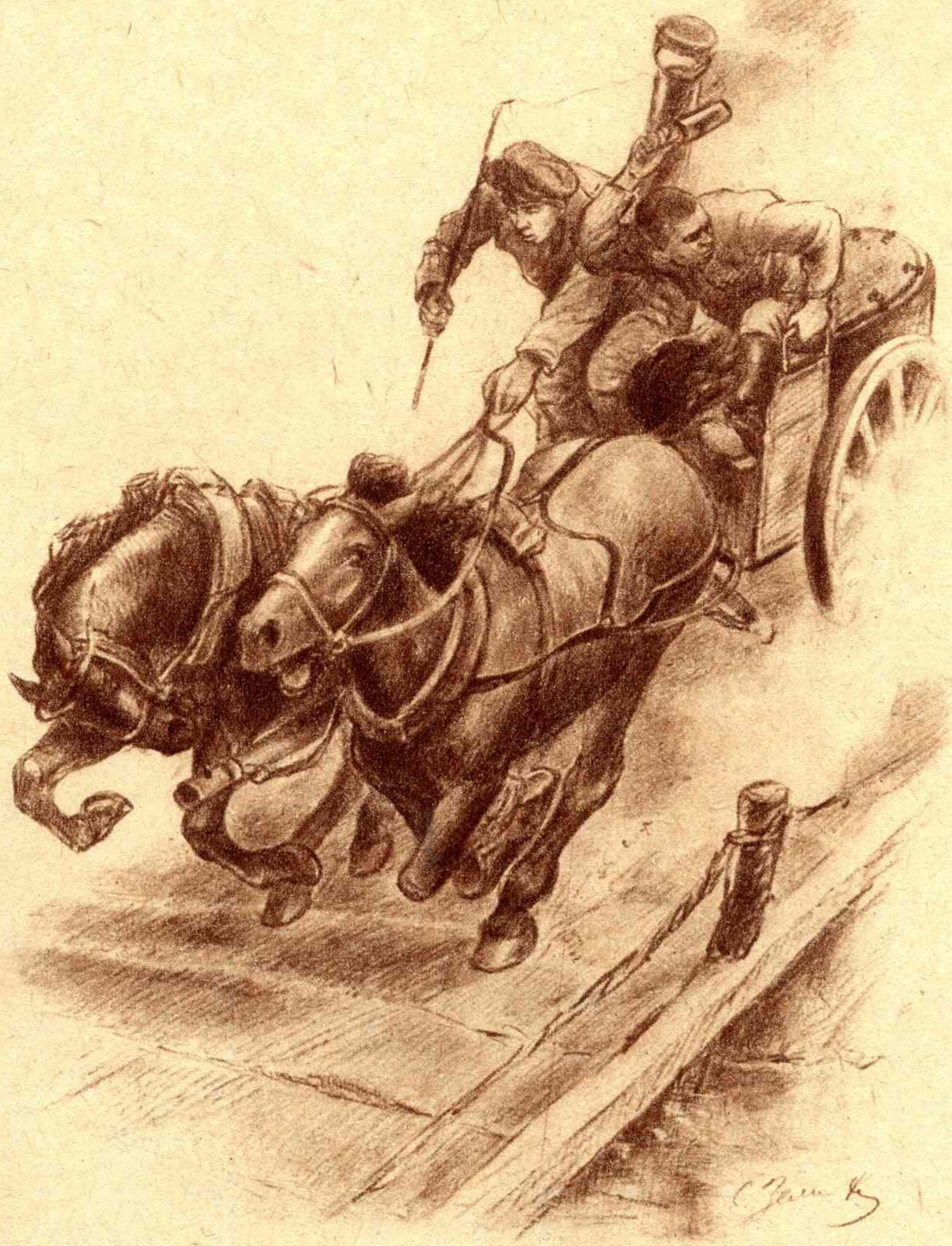
После этого случая в дивизии над обозными перестали посмеиваться.

Глаза красноармейцев горели от возбуждения. Руки споро работали. Обед вышел на славу. После, когда уже готовили ужин, Ючко попросили еще рассказать что-нибудь. Он же решил отстоять честь славного поварского сословия. И потому рассказывал все больше о подвигах поваров и обозников.

— В бою решает дело находчивость. Вышла раз неудача на нашем участке. Ну, форменно побежали хлопцы. Мой товарищ, тоже повар, ехал с кухней поближе к позиции. Думает, к концу боя и каша поспеет. Глядит — бегут. Дело плохо, как бы обед врагу не достался! Что делать? Но не растерялся парень. Слезает, берет котелок, кладет кашу и посреди дороги, лицом к бегущим, начинает есть. Это поразило всех. А он еще приговаривает: «Эх, и вкусно! Хотите, ребята, каши? Да куда вы бежите, дурни? Стойте!» Ему кричат: «Поворачивай коней, белые!» А он в ответ: А «я думал, что вы за ними гонитесь. Ну, так пусть пропадает каша, а за трусами я не поеду!». Некоторым стыдно стало, остановились, за ними другие. Подоспевшие командиры наводили порядок. Повар подхватил пулеметчика к себе на козлы — и вперед, против врага. Выбежали на бугор и по белым из пулемета. Тут уж наши все повернулись навстречу противнику. Тот не ожидал такого оборота и сам побежал... Долго шутили, что повар с кашей панику укротил.

... Поздно вечером, провожая бойцов в роту, Ючко сказал:

— Так что не думайте, ребятки, про нас, поваров, что мы так себе, лыком шиты, только супы да котлеты умеем делать. Коли придется защищать родину, так не то, что мы все, — у нас каждый куст, каждое дерево будет обороняться и бить врага. А что вы думаете? Я вам не



— Я метнул на обе стороны гранатами.

успел рассказать, как мы вдвоем с товарищем простым поварским черпаком с кипятком отбились от чехословаков и спасли роту от засады... Вот только бы помощников пару мне! Сами видите — трудно, да и кадры надо готовить. Может, из вас кто хочет стать поваром? Полезное дело!

Красноармейцы молча, с виноватыми улыбками, стали расходиться.

— Ушли, — с горечью подумал Ючко. — Я знаю, они уже избрали себе другие специальности. А повар — что? Разве это... Так нет же, это хорошая специальность! Нарком сам говорил об этом, я слышал...

Он навел порядок на кухне до блеска и углубился в изучение меню на завтра. Затем вымылся под душем, перед сном взялся за газету.

Рано утром, когда Ючко разделывал новые продукты для закладки в котел, к нему подошел один из слушавших вчера его рассказы красноармейцев.

— Я обдумал, товарищ Ючко. Хочу быть поваром. В крайнем случае, и на фронте, и в колхозе пригодится такая профессия.

— Вы серьезно? Комсомолец? Стрелять научились? Отлично! Сейчас доложу. Мы с вами такое дело завернем... А весело в желудке бойца — весел и на работе!

Позже привел еще одного секретарь комсомольского бюро. На кухне как будто посветлело от радостной улыбки повара Ючко. Он ловко и быстро распоряжался и на ходу говорил будущим поварам, знакомясь с ними:

— Федоров и Селезнев, кажется? Вы не были на маневрах? Нет? Ну, так знайте, что бой второго батальона против авиадесанта «противника» проиграл повар. Да, повар! Бойцы тут не при чем. Ах, как они шли! Я видел их — они летели мимо нашего обоза, как птицы. Сорок километров за три часа! Но они опоздали на полчаса — авиадесант уже сделал свое дело. Эти полчаса украл у них повар, не сумевший во-время приготовить завтрак. Вы понимаете, что значит повар?

Наготове

Лейтенант Павел СЛЕСАРЕВ

Не о том ли в сумерках двухрядка
Все сильней играет с каждым днем,
Что, быть может, скоро мы палатки
Для больших походов соберем?

Час придет — колонной станем плотной.
Флаг опустят лагерный, и вот,
Батальоны выступят по-ротно,
Запевала песню заведет,

Ту, которую не раз, не дважды
Пели мы, размеренно дыша,
Что, как брага, утоляет жажду,
Делает увереннее шаг,

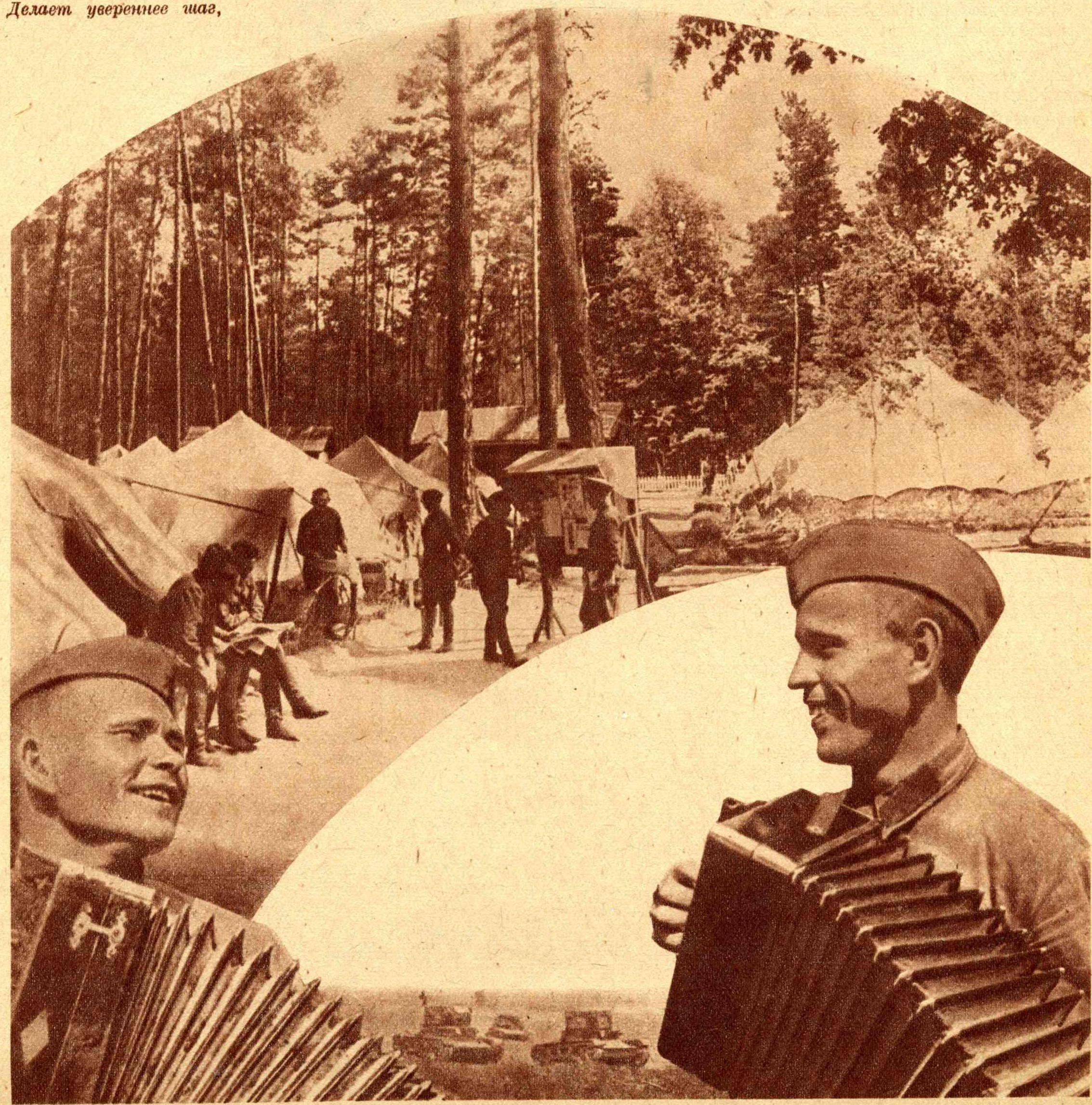
Что дорогу сделает короче,
Дружеским расскажет языком,
Как проходят лагерные ночи
Белым и горбатым большаком,

Как водили танки, и с разгона
Под колеса падала река,
Как вставал рассвет над полигоном,
Развернув своих знамен шелка,

Как в жару и белый холод колкий
В домнах плавится руда,
Как растут и ширятся поселки,
Радостные наши города...

Песню не закончишь на полслове.
Для любителей военных ссор
Держим наши пушки наготове,
Неостывшим — танковый мотор.

Вот об этом в сумерках двухрядка
И поет звучнее с каждым днем,
Что, быть может, скоро мы палатки
Для больших походов соберем.



С. БОРИСОВ

За РОДИНУ

Ленин писал, что трудящиеся женщины скажут своим сыновьям:

— «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев...»*

Рабочий класс взялся за оружие. И рядом с рабочими батальонами пошли на фронт юноши и девушки — отцы и матери тех советских молодых людей, которые в день Первого мая на площадях наших городов дают торжественное обещание своей счастливой родине:

— *Я, сын трудового народа, гражданин Союза Советских Социалистических республик, принимаю на себя звание воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии.*

Но в дни, когда эти молодые воины находились в колыбелях и часто вместо колыбельной песни слышали дробь пулеметов, отцы их сражались на фронтах...

Единый российский коммунистический союз молодежи организовался в октябре 1918 года. И с первых дней своего существования члены союза молодежи изучали на полях сражений законы классовой борьбы. Лучшие представители молодежи пошли защищать родину от белогвардейцев и интервентов. Советская молодежь росла и закалялась на фронтах и в тылу, где было не легче, чем на позициях.

Во многих городах помещение только недавно организовавшегося комсомольского комитета закрывалось на замок. На двери белела записка:

Райком закрыт,
все ушли на фронт.

— На фронт! — Это стало мечтой советской молодежи.

Как проходила мобилизация комсомольцев?

...Маленькая комната Иваново-Вознесенского губкома комсомола. Есть решение отправить только сорок добровольцев. Пришло больше ста человек. В комнате толчея, все стараются скорее протиснуться к столу, где заседает «тройка», чтобы получить анкету и, заполнив ее, ждать решения своей судьбы.

Все друг друга спрашивают:

— Пошлют ли на фронт?

Некоторые, опасаясь, что их по молодости не возьмут, пытаются обмануть «тройку».

— Товарищ! — обращается к одному из них председатель «тройки».— Как же вы пишете, что вам шестнадцать с половиною лет, а в то же время рядом помечаете, что год рождения тысяча девятьсот четвертый?

Обман не удался.

Подросток старается убедить председателя, что он ошибся, но на фронт ему необходимо попасть.

Председатель неумолим.

Тогда подросток начинает просить:

— Хоть воду в пулемет буду таскать — и то ладно...

...Когда белые огненным кольцом обложили Царицын, слесарь Степан Гаврилович Хользунов ушел на фронт. Он служил в артиллерии. Его пятнадцатилетний сын Виктор часто прибегал к отцу на батарею и здесь получил первое боевое крещение.

Красные войска пошли в наступление. Степан Гаврилович уходил вместе со своим дивизионом. Он пришел домой проститься. Обнял, поцеловал жену, обернулся к сыну. Тот отмахнулся:

— Не прощайся, батько, я с тобою иду.

Отец опешил, прикрикнул было:

— Куда ты, молоко еще на губах не обсохло!

— Обсохнет. Ты не возьмешь, с другими уйду, — возразил Виктор.

Степан Гаврилович знал упрямый характер сына. Вопросительно посмотрел на жену. Та, соглашаясь, сказала:

— Пусть уж лучше с тобой...

Так в артиллерийском дивизионе появился новый боец, которому красноармейская форма была несколько великовата. Отец обучал Виктора артиллерийскому искусству. На добытую в брошенной усадьбе бричку Виктор приспособил верстак, до-

* Ленин. Сочинения, том XIX, стр 328.

Фото Пенсона

Призывники прибыли в часть.

Фото А. Межуева

Стахановцы автозавода имени Сталина товарищи А. И. Шилдин, С. П. Харлашкин и П. С. Тихомиров, подавшие заявления о приеме в бронетанковое училище.

стал тиски и прочий инструмент. Эта импровизированная походная мастерская оказала батарее немалую помощь. Виктора назначили техником двух орудий. После многих боев он был командирован в Сталинград «подлечить» свои пушки. Вернувшись на фронт, поступил в конный отряд.

Сейчас Виктор Хользунов — герой Советского Союза, комкор и превосходный летчик, депутат Верховного Совета СССР.

В период наивысшего напряжения на фронтах, в октябре 1919 года, когда восточный фронт еще не был ликвидирован, а Деникин подходил к Орлу, II съезд РКСМ объявил вторую всероссийскую мобилизацию. Она дала фронту около 10 тысяч молодых бойцов.

Московская организация комсомола, помимо отправки добровольцев на деникинский фронт, выделила еще 20 ответственных работников во главе с председателем ЦК РКСМ на петроградский фронт.

На всех товарищей было составлено одно общее удостоверение. И когда поезд отошел от Москвы, то в вагоне провели проверку. Оказалось не двадцать, а двадцать два... Одним из этих «зайцев», которые без билета отправились на фронт, был Косарев — теперешний генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ.

На Урале, в первые дни марта 1918 года, тревожно прозвучал революционный набат...

По безлесным снежным оренбургским степям полковник Дутов вел к уральским городам мятежные казачьи полки.

В заводских поселках Урала, разбросанных по склонам и отлогам гор, началась организация боевых отрядов Красной гвардии. В эти же дни организовавшийся Уральский Областной Комитет социалистической молодежи объявляет добровольную мобилизацию своих членов на дутовский фронт для борьбы с мятежным казачеством. Более сотни молодых рабочих прибывают в Екатеринбург (ныне Свердловск). Получив обмундирование и оружие, один день проводят на поле практическую стрельбу и на следующий — с развернутым красным знаменем, на котором вышит лозунг «смерть или свобода», отправляются на фронт...

Начались тяжелые переходы по снежным сугробам, по 25—30 верст в день. Шли с боями. Каждодневно происходили изнурительные стычки. По пути попадались засады. Но отряд двигался к Верхнеуральску, куда стягивал свои силы и Дутов.

Соединившись с отрядами Красной гвардии, отряд молодежи участвует в наступлении на Верхнеуральск.

Отряду молодежи было дано задание очистить один из железнодорожных мостов, неподалеку от Троицка, от пироксилиновых шашек, которые были заложены белогвардейцами.

Отряд погрузился на платформы, которые громко назывались «бронированными»; вся их броня состояла из тюков шерсти, уложенных по бортам платформы...

Поезд тронулся. У моста он попал под сильный обстрел дутовцев. Отряд покинул «бронированный» поезд, под огнем сошел на насыпь, и часть пошла в атаку на дутовцев, а другая — очищать мост от взрывчатых веществ. Задание было выполнено.

«Последняя крупная схватка с Дутовым, — рассказывает в своих воспоминаниях участник отряда, — *произошла под станицей Бриентской, к которой отряд подошел в одну из апрельских ночей.*

Станица была обложена цепью с трех сторон, четвертая сторона осталась открытой. Перед утром отряд, открыв артиллерийский огонь, повел внезапное наступление на станицу, стремясь захватить в плен Дутова с его бандитами».

Дутовцы успели ускользнуть, но после этого удара дутовские банды были добиты частями Красной Армии.

Лето 1918 года...

Советскую Россию сжимает огненное кольцо фронтов. Наиболее серьезная угроза нависла с востока. Московские комсомольцы отправляют первые отряды комсомольцев на фронт. Комсомольцы Сущевско-Марьинского района принимают резолюцию:

— Каждый из нас клянется защищать всеми силами власть трудового народа.

Одним из первых отправляется на фронт секретарь Сущевско-Марьинского райкома комсомола Афанасьев. Он вместе с отрядом приезжает в Саратов. Уполномоченному Чрезвычайной Комиссии Линдову нужны преданные работники. Линдов осматривает прибывший отряд комсомольцев и останавливает свое внимание на худеньком мальчике с глубокими умными глазами на осунувшемся лице.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, — отвечает Афанасьев.

— В Чека желаешь работать?

— Да.

И скоро Афанасьев обращает на себя внимание, как преданный и талантливый работник, которому поручают ответственные задания. Белогвардейцы усиливают наступление на Волгу. В августе 1918 года Афанасьев отправляется красноармейцем в коммунистический отряд, задача которого заключалась в том, чтобы в числе десяти человек быть впереди полка — своим геройством показывать пример и увлекать за собой часть. Афанасьева назначили начальником боевого пулеметного десятка.

— Да я никогда и пулемета не видал...

— Выучись.

По дороге на позицию Афанасьев изучил немного пулемет. Начались

Фото И. Гакова

Батальонный комиссар тов. А. П. Воронцов беседует в Бауманском райвоенкомате г. Москвы со студентами тт. М. М. Цедилиным, В. А. Менро и А. И Седовым, подавшими заявления о приеме в военные училища.

Фото М. Редкина

Лейтенант тов. Г. Ладков принимает от ученика средней школы тов. А. Лебедева заявление о приеме в Ленинградское танкотехническое училище.

Фото Н. Сальмана

Капитан-орденоносец тов. Герасимов беседует с комсомольцами-курсантами Н-ской части тт. И. Пичугиным, И. Гусевым и В. Коньковым, подавшими заявления о приеме в военные училища.

бои. Белогвардейцы яростно наступали, полк не выдержал и начал беспорядочно отступать. Афанасьев со своим десятком сохранил самообладание и, развернув пулемет на подступах к мосту, ливнем пуль остановил наступавшего врага. Полк в это время был приведен в порядок и перешел в наступление.

В соседнем кавалерийском полку началось брожение под влиянием эсеровской агитации. Нужен был стойкий комиссар. Политотдел дивизии вызвал Афанасьева.

— Будешь комиссаром полка.

В полку Афанасьеву выдали лошадь. Он впервые сел в седло... Через несколько месяцев Афанасьев стал лихим кавалеристом. Комиссаром он был требовательным, но никогда не оставлял забот о красноармейцах. Была зима. Полк получил приказ выступить в бой. Среди красноармейцев начался ропот.

— Что мы, разутые и раздетые, будем драться?..

У многих на ногах были опорки. Рваные шинели и ветхие ватники едва прикрывали плечи кавалеристов. От мороза коченели руки, и повод вываливался...

Комиссар Афанасьев снимает с себя ботинки и полушубок.

— Кому очень холодно — берите...

Кавалеристы смутились. Полк ринулся в бой.

Товарищ по полку рассказывает: *«В мае 1919 года был разбит наш штаб, и на станции Деркуль произошла горячая схватка, в результате которой у комиссара Афанасьева была убита лошадь. Однако, он не растерялся, бросился к оставленному пулемету и стрелял, пока были патроны, потом убил троих из револьвера и, наконец, сам был зарублен шашками в куски»...*

Южный фронт.

В Харькове к командиру «добровольного отряда Червоного Казацтва» явилось несколько киевских комсомольцев.

— Мы слышали, что вы на Киев собираетесь. Примите и нас в свой отряд, а то мы приехали в Харьков, хотим на фронт, а нас здесь держат...

Командир колебался. Он смотрел на восторженных юношей и думал: «они не колеблясь бросятся в огонь, но жаль, что такие хорошие ребята погибнут...» Командир строго спросил комсомольцев.

— А стрелять-то вы умеете?

Вопрос был неожиданный. Один из комсомольцев выступил вперед:

— Ничего, справимся, хоть в армии и не были еще. А не хотите нас принять — пойдем сами на фронт. Нас десятка полтора киевлян да полтавцев с пяток. Ребята все дружные, работу на фронте найдем.

Командир отряда махнул рукой.

— Ладно, отправляйтесь в отдел снабжения за обмундированием. Сегодня ночуем в казармах, а завтра с утра двигаемся на фронт.

Комсомольцы обрадованно закричали:

— Какое там обмундирование! До фронта и так доберемся! Патронов давайте побольше!

Отряд отправлялся не на Киев, а на Кременчуг, который был окружен четырьмя гайдамацкими полками. На каждого красного бойца приходилось чуть ли не двадцать гайдамаков.

Красный отряд, выгрузившись с эшелона, рассыпался цепью и медленно наступал на кременчугский вокзал. Завязалась перестрелка — она шла лениво, вяло. Редкие пули с визгом проносились над снежным полем. В вечернем зеленоватом небе замигали первые звезды. Кругом была мирная тишина, вдали приветливо теплился огонек в одиноком хуторе. Только редкие выстрелы да двигавшиеся по снежному полю серые тени людей напоминали о том, что мира нет, а все кругом охвачено войной жестокой и беспощадной.

Эта обманчивая тишина действовала на красных бойцов угнетающе. Когда отряд подтянулся к одному месту, один из бойцов крикнул:

— Товарищи, бросим эту волынку, выделим часть отряда и ворвемся в город, в тыл гайдамаков, через хутор Чередничкн.

Комсомольцы подхватили это предложение.

— Ворвемся в Кременчуг!

Командир отряда колебался. Он привык к тактике «эшелонной войны», маневры и обходные движения были редкими исключениями. Но угашать боевой дух своих бойцов он не решался. Отряд разделился — часть пошла в обход, а несколько десятков бойцов вместе с комсомольцами ворвались через хутор в город.

Гайдамацкие части от неожиданности растерялись и отступили.

Отряд захватил несколько улиц. Но вдруг враг опомнился, увидел, что отряд невелик, и перешел в наступление. Красных бойцов начинают обстреливать из-за заборов, с крыш домов, с церковной колокольни. Красный отряд, потеряв двух убитыми и шесть ранеными, укрывается в детском приюте Чуркина. Детей отправляют в подвал, а сами начинают отстреливаться из окон. Попытка сделать вылазку оказывается неудачной. Отправленная на помощь отряду бронемашина выходит из строя, разбитая гайдамаками.

Отличники Военно-Морского училища связи им. Серго Орджоникидзе (слева направо) курсанты Н. Н. Ефремов, Б. Н. Иванов, И. И. Осипов, Г. П. Дьяченко, Н. П. Завалицкий и П. Н. Максимов.

Комсомольцы перекидываются между собой несколькими словами и заявляют товарищам:

— Лучше погибнем в открытом бою, чем ждать, пока нас перережут гайдамаки.

И с грозным криком, с ружьями наперевес отряд вырывается из приюта и бросается на гайдамаков. Они дрогнули, огонь комсомольцев бьет им в спину. В это время другой отряд красных, вышедший в обход, с боем занимает вокзал. Гайдамацкие части выброшены из города. Большинство комсомольцев ранены, но они отказываются итти в госпиталь и остаются в строю.

Когда отряд был расформирован в Таганроге, комиссар спросил комсомольцев:

— Куда же вы теперь думаете направиться?

— А куда же нам еще? Мы все — обратно на Украину, в подполье, там мы больше всего пригодимся.

Прощаясь, комсомольцы говорили:

— Скоро встретимся в красном советском Киеве.

Братья Штерн — два московских комсомольца с Красной Пресни. Старшему брату 18 лет, младшему — 16.

21-й Московский полк отправлялся в августе 1919 года на южный фронт. Вместе с полком отправились и братья Штерн. Скоро весь полк полюбил этих двух скромных и на редкость чутких мальчиков. Они оба стали пулеметчиками, работали вместе у пулемета. И когда начались бои, в передовой цепи шли два брата.

Однажды, в темную дождливую весеннюю ночь, утопая в вязком черноземе вспаханного поля, два батальона пробирались к позициям противника. У окопов противника батальон залег, и когда забрезжил серый рассвет, красные бросились в атаку. Белые, бросив окопы, бегут к понтону через Северный Донец — наперерез им спешат красные. Конница белых бросается к Донцу, но ее настигает ружейный и пулеметный огонь. Белые бросают орудия, из которых красные тут же прямой наводкой бьют по подходящим белым резервам.

Братья Штерн под огнем переносят по понтону свой пулемет на другой берег и держат под огнем роту белых, перешедших в контратаку.

Белые подтягивают свежие резервы, которые рвутся к понтону.

Братья Штерн не отходят от пулемета.

Противник в двухстах шагах.

Младший Штерн подает последнюю ленту и падает, раненный в голову. Старший брат расстреливает наступающую цепь белых и, когда из ленты ушла последняя пуля, также падает раненым. Два брата, истекая кровью, пытаются выкинуть в реку замок пулемета, чтобы он не достался белым.

Артиллерия разбила понтон, помощь отрезана. Белые набрасываются на двух отважных пулеметчиков. Истекая кровью, поддерживая друг друга, два брата гордо встают во весь рост перед врагами, которые направили на них свои винтовки. И оба брата, собрав последние силы, бросают свой последний победный клич в лицо врагам:

— Да здравствует коммунизм!

Войска панской Польши наступали на Советскую Украину. Охваченный жгучей ненавистью к белополякам украинский народ поднимался на борьбу с врагом. В украинской народной песне поется:

Ой, то было в Головчинцах,
В девятьсот двадцатом.
Позасели в наших хатах
Польские солдаты.

Белополяки приближались к Киеву.

Киевская губернская организация комсомола, насчитывавшая в то время 200 человек, выделила 70 лучших товарищей для отправки на фронт. Узнав о мобилизации, в комитет явились сотни молодых людей с требованием отправить их на фронт. Многим было меньше 16 лет. Когда им отказывали в приеме, они просили:

— Если мы не можем стрелять на фронте, то будем патроны подавать, только не оставляйте нас в тылу!

Вслед за мобилизацией в Киеве прошли мобилизации и в уездах, где комсомольские организации почти в полном составе пошли на фронт. Комсомольские отряды за малым исключением влились в XII армию.

Отряду киевских комсомольцев приказано было занять около левого берега Днепра на Черниговщине участок на расстояние 50 верст, где не было регулярных красных войск.

Отряд, вооруженный разнокалиберными винтовками, заняв позицию и не дождавшись наступления белополяков, пошел навстречу врагу.

Заняв три деревни на правом берегу Днепра, отряд установил связь с красными регулярными частями, которые также перешли в наступление, и, заняв город Чернобыль, отбросили поляков на 70 верст.

Молодежь, идя на героическую самоотверженную борьбу за свое будущее, за родину, училась верить в непоколебимую силу рабочего класса, училась революционному бесстрашию у Ленина и Сталина.

Те, кто сражались в годы гражданской войны против белогвардейцев, — превратились в пожилых людей, зрелых и столь же мужественных защитников своей родины. Их дети выросли, возмужали и в любой момент готовы к защите родины от вражеских нападений.

Сотни тысяч молодых красноармейцев и краснофлотцев, давших в день Первого мая своей родине торжественное обещание защищать и оберегать ее, должны стремиться быть похожими на Ленина и Сталина. Это значит — отдать все свои мысли и силы служению социалистической родине, стать непоколебимыми и настойчивыми борцами за коммунизм. Быть готовыми, как сказал о себе товарищ Сталин «отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои способности, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей».*

* «Правда», № 302 за 22/XII—1929 г.

П. БЕРЕЗОВ

БОЕВЫЕ ПЕСНИ ДЖАМБУЛА

Советский Казахстан славится своими народными певцами. Их поэтические волнующие песни не только распеваются по необъятным просторам казахских степей, но и широко распространены по всему Советскому Союзу. Многие казахские народные певцы завоевали всесоюзную известность и популярность. И среди них на первом месте знаменитый старейший орденоносный акын — народный певец Джамбул Джабаев, наделенный большим ярким природным поэтическим талантом, создавший в течение семидесяти пяти лет своей творческой деятельности огромное количество чарующих песен, полных пламенной любви к своему народу, неугасимой ненависти ко всем его угнетателям и врагам, страстного порыва к свободе и счастью всех трудящихся.

Этот седобородый, бронзоволицый девяностодвухлетний Джамбул до сих пор крепко держит в старческих руках старинную коричневую домбру, под мелодичные переборы струн которой он слагает и поет свои прекрасные песни. О многом приходилось ему петь за свою долгую, почти вековую жизнь. И все то, о чем он пел и поет, теснейшим образом связано с интересами казахского народа, с его думами и чувствами, надеждами и стремлениями, мечтами и чаяниями. Плоть от плоти своего народа, Джамбул целиком отдал себя и свое огромное поэтическое дарование на службу трудовых масс. Со всей искренностью и правдивостью он так об этом заявляет в своей автобиографии: «Будучи бедняком, я хорошо понимал бедный народ. Правдиво я мог петь только о себе и народе. Когда я пел о народе, я пел и о себе. Когда же я пел о себе, я одновременно пел и о народе».

После этого естественно, что все поэтическое творчество Джамбула по своему содержанию резко разграничивается на два периода. В его дореволюционных песнях преобладали мотивы народной скорби, страдания, гневного протеста. В то время ему приходилось петь о мрачной, безотрадной участи своего народа, который в течение многих веков страдал под игом ханов и царей, был обречен на вопиющее бесправие, гнет, эксплоатацию, ужасающую нищету и голод:

Семьдесят лет я сквозь слезы пел,
В юртах дырявых, в голодной толпе,
В холодных кстау и в нищих аулах*
*О жизни тяжелой, как груз саксаула**,*

О жизни крутой, как оленья гора,
Пела надтреснутая домбра.

Иные радостные, ликующие, торжествующие мелодии зазвучали у Джамбула в советские годы:

Радость моя пришла в Октябре,
Радость принес московский декрет,
*Я с новою песней пришел на котан***,*
И вместе с Джамбулом запел Казахстан.

С тех пор, как юнец, я от счастья горю,
Я родине лучшие песни дарю.

В этих песнях с небывалым блеском засверкал яркий талант Джамбула, который только уже преклонным стариком получил возможность во всю ширь развернуть и во всю глубину раскрыть свои поэтические способности. Эти новые песни о счастливой, радостной жизни советского народа насыщены яркими мыслями, горячим чувством, свежими художественными образами. Джамбул с необычайным творческим подъемом поет о счастье и богатстве освобожденного народа, о радости социалистического труда, о своей благодарности и преданности советской власти и большевистской партии, о своей любви к родине, о ее расцвете, могуществе и величии.

Многие песни Джамбула посвящены великому Сталину, любимый образ которого особенно волнует и воодушевляет народного певца. Вот образец вдохновенных поэтических строк о Сталине из замечательной поэмы Джамбула «Моя родина»:

* *Кстау* — зимовка.
** *Саксаул* — степное растение.
*** *К отан* — площадь в центре аула.

Фото В. Микоша

Народный певец Казахстана орденоносец Джамбул.

Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты житель моей души!
Сравнений тебе не найдут жирши,*
И у акынов, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин-слов.
С пророком хотел я тебя сравнить,
С пророком не мог я тебя сравнить,
Правду пророк не умел говорить!
В словах твоих, Сталин, правда и свет,
*Меркнут пред ними фарыз-сундет **.*
Хотел с океаном тебя сравнить,
Не мог с океаном тебя сравнить!
И в океане порой корабли
С распоротым дном сидят на мели...
С полярной звездой хотел сравнить,
С полярной звездой не мог сравнить!
Она, как проколотая гвоздем,
Вечно стоит на месте своем...
С горами хотел я тебя сравнить,
Из гор тебе не равна ни одна —
У каждой горы вершина видна...
Хотел тебя с полной луной сравнить,
Не мог тебя с полной луной сравнить!
В небе она холодна и бледна,
Свет свой струит лишь ночью луна.
И с солнцем хотел я тебя сравнить,
Не мог я тебя и с солнцем сравнить!
Может и солнце порой изменить —
Светит оно лишь в ясные дни.
Сталин! Сравнений не знает старик...
Сталин, как вечный огонь, горит.

* *Жирши* — певец-сказитель.
** *Фарыз-сундет* — законы Ислама.

С родной домброй по степям я пойду,
Сокровище слов в народе найду.
Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.
В песнях этих найдут поколенья
Достойное Сталина сравненье!

Среди сокровищ джамбуловской поэзии особенную ценность представляют боевые песни. Джамбул часто поет о незабываемых легендарных подвигах Красной Армии, о ее славном героическом прошлом, о необходимости всемерно крепить оборону Советского Союза, готовиться к сокрушительному отпору всех врагов, которые дерзнут нарушить священные границы социалистической родины. Из далекого Казахстана Джамбул с неослабным вниманием следит за мировыми событиями, за нарастанием военной угрозы мирному социалистическому строительству со стороны фашизма:

Сбылись вековые народные сны
В сиянии сталинской светлой весны.

Но слышу я, хмуря суровые брови,
Удушливый запах железа и крови,

И уши акына Джамбула полны
Раскатами грозной далекой войны.

Джамбул с чувством глубокого негодования поет о кровавом разгуле озверевшего фашизма — организатора новой мировой бойни:

Вселенная снова в крови и пожаре,
Повеяло запахом стали и гари.

В горах Абиссинии стоны ветров.
В Испании льется горячая кровь.

Гремит канонада в китайских краях.
Манчжурские реки поют о боях.

... Тревогой шумит созревающий колос,
И я поднимаю взволнованный голос.

Свой «взволнованный голос» Джамбул поднимает в защиту героического народа республиканской Испании:

Хотел и песню и сердце отдать я
За вас, боевые испанские братья!

Обращаясь к ним с боевым приветом и желая воодушевить их на дальнейшую победную борьбу с итало-германскими фашистскими интервентами, Джамбул напоминает зарубежным братьям о революционно-боевом опыте народов Советского Союза:

Мы также боролись, и взрывы и громы,
И кровь и лишенья нам были знакомы.

Мы бились за счастье, как смелые львы,
Как бьетесь сегодня за родину вы.

С винтовкой и песней на битву идите,
Дружнее сплотитесь, и вы победите!

Фото Акмолинского

Народный певец Казахстана орденоносец Джамбул со своей внучкой.

Всем сердцем хочу, чтоб ясна и светла
В Испании вольной весна расцвела,

Чтоб в синее небо взвилось над полями,
Как наше победное, светлое знамя.

Я братьям испанским желаю побед
И шлю из степей Казахстана привет!

Многие песни Джамбула согреты благородным чувством советского патриотизма. В них выражена готовность советского народа встать на защиту своей родины по первому призыву партии, советского правительства, товарища Сталина. Так, в «Песне народу» Джамбул от имени всего казахского народа заверяет любимого вождя и друга народов СССР:

Казахстан на восточных границах лежит,
Мы с винтовкой в руках бережем рубежи,
Мы клянемся тебе, человечества друг,
Что не выпустим ружей из рук.

Как с винтовкой аскер, я с подругой-домброй
Выйду вместе с народом в последний бой.
Будет песня моя — грозна и строга —
Как снаряды взрывать врага.

О своей готовности встать в ряды защитников Джамбул заверяет и в «Песне при вручении ордена»:

Аскер с винтовкой ходит в бой,
Джамбул с любимою домброй:
Я с песней из каленых слов
Пойду разить врагов.

О том же он говорит в своем поэтическом «Обращении к Красной Армии»:

Когда ты, могучая, ринешься в бой,
Я, старый Джамбул, с певуньей-домброй
Во всех наступленьях буду с тобой,
Песней звеня боевой.

О своей горячей любви к Красной Армии Джамбул восторженно поет в замечательной «Поэме о Ворошилове», где показан яркий образ любимого народного полководца:

Герой мой — любимец великой страны,
Ему ордена и отличья даны.

Его воспитали нам Ленин и Сталин
Наркомом огня, героизма и стали.

О жизни, идущей в трудах и боях,
О Климе-батыре поэма моя.

Далее Джамбул задушевно повествует о славной жизни Клима-батыря, начиная с его детских лет:

Сын бедного люда, труда и нужды,
Он рос, как весенний цветок без воды.

Его не ласкала весна голубая.
Он с детства чабанил у жадного бая.

За стадом хозяйским ходил он босой,
Ел хлеб с лебедой, умывался росой.

Это безрадостное детство минуло. Юноша возмужал, окреп в борьбе с «жадными баями». И вот в мрачные годы царизма он во главе восставших масс Донбасса:

На черных заводах и в шахтах Донбасса
Свой гнев накаляла рабочая масса,

Она к забастовке готова была,
Молчала и только сигнала ждала.

И подал сигнал наступления Клим,
И двинулась грозная масса за ним,

И ветер раздул, как костровое пламя,
Горячее, красное, гневное знамя.

В поэме Джамбула подробно рассказывается о том, как его славный герой с этим красным знаменем в руках отважно боролся под непосредственным руководством великого Сталина, являясь его ближайшим верным соратником уже с давних лет:

Как счастлив был Клим, большевик из Донбасса,
Работать с вождем восстающего класса.

Речам его мудрым и ясным внимать,
Его понимать и ему помогать,

С ним вместе в подполье готовиться к бою,
Чтоб стать навсегда его правой рукою,

И быть с ним всегда заодно на земле —
В подполье, в окопах, в боях и в Кремле.

В заключительной части поэмы Джамбул выражает всенародную любовь к прославленному вождю непобедимой Красной Армии, всеобщую готовность встать под ее боевые знамена:

Батыр Ворошилов! Свободный народ
По первому зову оружье возьмет.

Взмахни только саблей — и мы за тобою
Без трепета выйдем к священному бою.

Как только тобою приказ будет дан —
Поднимется грозно степной Казахстан,

Коней оседлает и саблями брызнет
В защиту счастливой и радостной жизни.

...Рванутся в походы, как смерч, как буран,
Одиннадцать страха не знающих стран,

Одиннадцать стран, полных мощи и силы,
И ты поведешь их, батыр Ворошилов!

И ты их обрушишь, прекрасен и смел,
На тех, кто границы нарушить посмел.

Нам дорого счастье и честь дорога.
Клинками в куски мы изрубим врага...

Нам кровью добытая жизнь дорога,
Мы в землю горячую втопчем врага.

Любимая Родина нам дорога —
Мы будем рубиться на землях врага.

Рубиться — и в зной, и в дожди, и в снега
До полного уничтоженья врага.

Чтоб Сталин, рукою потрогав усы,
*Узнав о победе, промолвил: «Жаксы» *.*

Боевые песни Джамбула вооружают народные массы, подготовляя их к защите социалистической родины. С другой стороны, тема о Красной Армии, как об освободительнице и защитнице угнетавшихся народов, сыграла в творчестве Джамбула важную роль. Вспоминая о том, как при царизме, в условиях национального гнета и капиталистического рабства, народный певец «угасал, бессильный петь хорошие песни», Джамбул в своей автобиографии говорит: «Когда мне исполнилось 70 лет, я увидел светлую зарю новой жизни. Я услышал имя батыря Ленина и был свидетелем победного шествия Красной Армии. Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях, как о золотом сне. Почувствовав прилив свежих сил, взял я в руки домбру. Вернулась моя молодость, и я запел».

Поэзия Джамбула является ярким показателем того, как пышно расцветает многонациональная культура, в частности народное поэтическое творчество в условиях победившего социализма.

---

* *Жаксы* — хорошо.

Джамбул

Обращение к Красной Армии

Создал тебя в бурях народ трудовой,
Вели тебя Ленин и Сталин на бой,
Когда наша кровь по арыкам текла
И тьма боролась с зарей.
Ты силу и доблесть сковала в боях,
Мужали джигиты твои на конях,
За землю, за воду, за солнечный свет,
Ты билась на всех фронтах.
Пытались враги на Советы напасть,
Но ты отстояла советскую власть,
И стали рубиновую звезду
Враги и бояться и клясть.
Как сад, зацвела наша жизнь, но вокруг
Фашисты и баи сомкнули свой круг,
И ты, не слезая с горячих коней,
Внушаешь врагам испуг.
Снега Ала-тау, как жемчуг, блестят,
Алтай и Кавказ, как алмазы, горят.
У вечных снегов, где гнездятся орлы,
Дозоры твои стоят.
В озерах долин розовеет заря.
Зреют хлеба золотей янтаря.
Орлиные очи дозоров твоих
Зорки, как в дни Октября.
Кровавая проклята нами война,
Чужая земля нам совсем не нужна.
Стадами, садами, землей и водой
Богата наша страна.
Но если стервятники, злобой полны,
Посмеют нарушить границы страны,
Ты, Красная Армия, взвей над землей
Знамена священной войны!
Ты бейся — бесстрашна, грозна и строга —
До полного уничтоженья врага,
Чтоб хищная свора могилу нашла
В сыпучих песках и снегах.
Когда ты, могучая, ринешься в бой,
Я, старый Джамбул, с певуньей-домброй
Во всех наступленьях буду с тобой,
Песней звеня боевой.

Перевод с казахского ***К. АЛТАЙСКОГО***

ШАХМАТЫ

под редакцией мастера М. Барулина

В. ЕРЕМЕЕВ

Шахматы в ОКДВА и Тихоокеанском флоте

Шахматно-шашечные секции при ОКДВА и Тихоокеанском флоте организованы лишь несколько месяцев назад, но, несмотря на это, они уже сейчас развернули большую работу и насчитывают не по одной тысяче организованных шахматистов и шашистов. Как в ОКДВА, так и в Тихоокеанском флоте шахматы пользуются большой популярностью, а политуправление всячески содействует развертыванию этого вида спорта. В ОКДВА немаловажную роль в пропаганде шахмат и шашек сыграл шахматно-шашечный отдел в армейской газете «Тревога», который с марта 1937 года выходит регулярно по выходным дням.

Всей шахматно-шашечной работой в ОКДВА и Тихоокеанском флоте руководят шахматно-шашечные секции. Обе шахсекции имеют освобожденных инструкторов. В ОКДВА инструктором и секретарем секции является шахматист первой категории Н. А. Коновалов, в ТОФе — инструктор-секретарь младший командир, сверхсрочник, шашист первой категории А. В. Смирнов. При шахсекциях имеются армейские квалифицированные комиссии, которые присваивают категории вплоть до III Всесоюзной.

Обе шахсекции располагают значительным числом квалифицированных шахматистов-шашистов, среди которых первокатегорники-шахматисты, в ОКДВА — тт. Аветисов, Тесленко, Коновалов, Миловский, шашист т. Лунин, в ТОФе — шашисты тт. Симонов, Егоров. На шестых ДВ краевых шахматно-шашечных соревнованиях, происходивших в июле 1937 года в Хабаровске, ОКДВА была представлена значительным коллективом — в 12 человек. Победителем ДВ шахматного чемпионата вышел представитель ОКДВА т. Аветисов, что лишний раз свидетельствует о силе игры шахматистов ОКДВА. В этом чемпионате участвовал мастер Н. Д. Григорьев, который занял восьмое место.

Сейчас шахсекция ОКДВА развернула большую подготовительную работу к предстоящим весной этого года соревнованиям на шахматное и шашечное первенство ОКДВА. Отборочные турниры проходят снизу доверху, и ими уже охвачено свыше 8 000 человек.

Среди шахматистов ОКДВА немало отличников боевой подготовки, как, например, командир-отличник т. Юдаев. Он первым в части сдал за среднюю школу. Вверенные ему машины не знают аварий и поломок, а по политподготовке он всегда имеет отличную оценку. За 1937 год т. Юдаев имеет 5 благодарностей. Тов. Жуков — лучший боец и член бюро ВЛКСМ части — имеет все оценки только отлично, прекрасный наводчик, получил свыше десяти благодарностей, чемпион части по шахматам. Таких шахматистов и шашистов в ОКДВА очень и очень много.

В Тихоокеанском флоте недавно закончились соревнования на первенство флота. Победителем шахматного чемпионата флота вышел т. Савко (12½ из 13), шашечного — Егоров, выигравший все партии.

Нет сомнений, что соревнования в ОКДВА выявят целый ряд талантливых шахматистов и шашистов и что в самое ближайшее время обе эти шахсекции будут насчитывать по нескольку тысяч квалифицированных шахматистов и шашистов.

А. В. Галицкий

В этом году исполнилось 75 лет со дня рождения одного из выдающихся шахматных композиторов старой России Александра Васильевича Галицкого (умер Галицкий в 1921 году). Это славное имя сейчас незаслуженно забыто. Между тем, значение Галицкого для развития шахматной задачи исключительно велико.

В области шахматной композиции Галицкий оставил огромное наследство. Всего им было опубликовано 1 860 задач; кроме того, 1 000 его задач остались ненапечатанными.

В своем творчестве Галицкий был приверженцем чешской школы, которая в то время безраздельно главенствовала. Эта школа на первый план выдвигала форму. Она же выдвинула и требование «правильного мата», который характеризуется максимальной экономией матовой зоны вокруг черного короля. Чешские проблемисты особым вниманием к форме задачи добились исключительного технического мастерства, но выхолостили стратегическое содержание задачи.

Галицкий был одним из немногих композиторов этой школы, которые остроумный замысел своих произведений умели облекать в блестящую форму. Эта черта придала творчеству Галицкого яркий индивидуальный отпечаток.

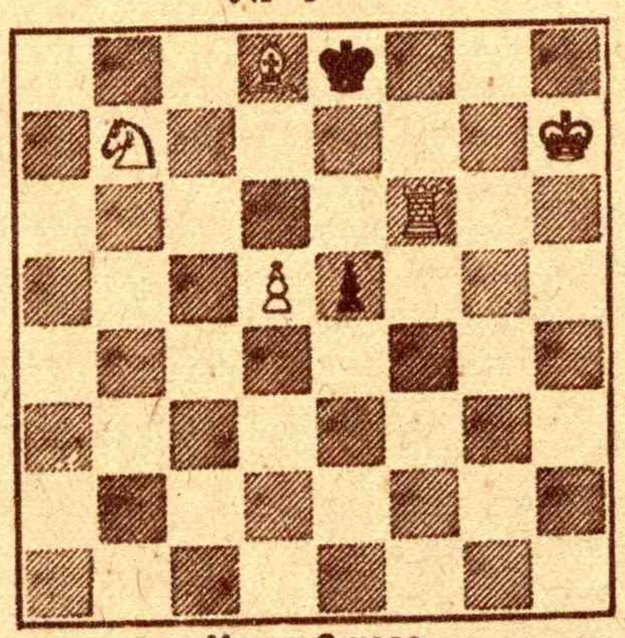
Галицкий широко работал во всех областях шахматной композиции. Но настоящей стихией его надо считать трехходовые и многоходовые задачи-миниатюры. В этой области он создал много подлинных шедевров, остающихся непревзойденными и по сию пору. Особенно удавались ему комбинации, основанные на игре легких фигур.

В настоящее время шахматная задача значительно усложнилась и по конструкции и по тематике. Стиль Галицкого отошел в прошлое. Но, просматривая коллекцию его произведений, нельзя не признать их своеобразной красоты, подлинного изящества. Они, несомненно, заслуживают самого внимательного изучения.

XXIII конкурс решений шахматных задач

памяти А. В. Галицкого

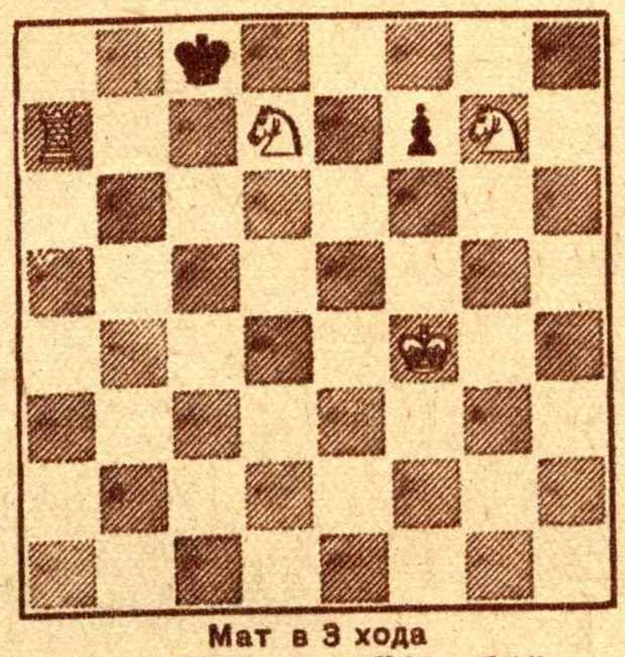
№ 1



Мат в 3 хода

Бел. Крh7, Лf6, Сd8, Кb7, пешка d5 (5).
Черн. Кре8, пешка е5 (2).

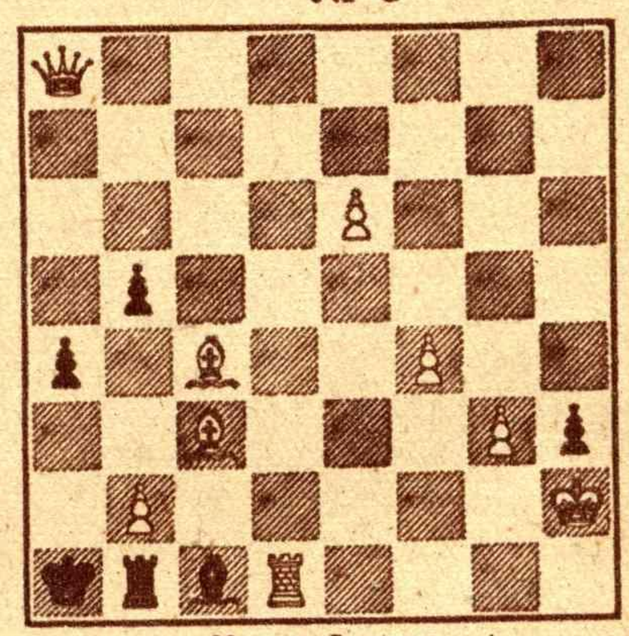
№ 2



Мат в 3 хода

Бел. Крf4, Ла7, Кd7, g7 (4).
Черн. Крс8, пешка f7 (2).

№ 3

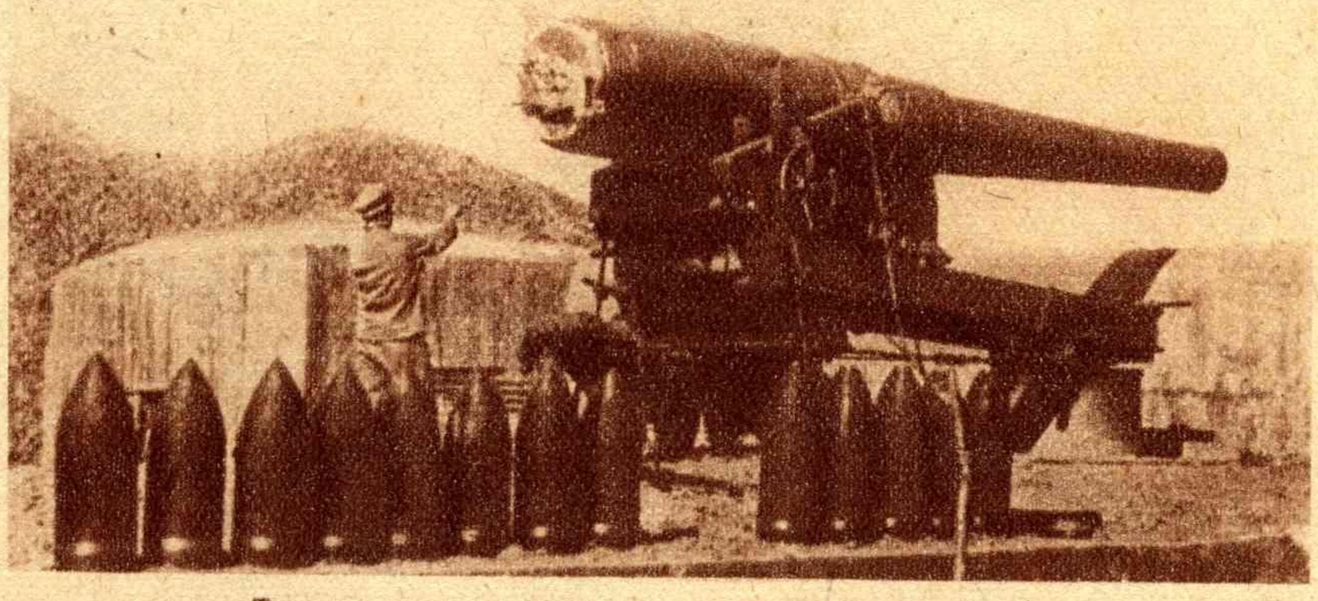


Мат в 3 хода

Бел. Крh2, Фа8, Лd1, Сс3, с4, пешки b2, с6, f4, g3 (9).
Черн. Крal, Лbl, Сс1, пешки а4, b5, h3 (6).

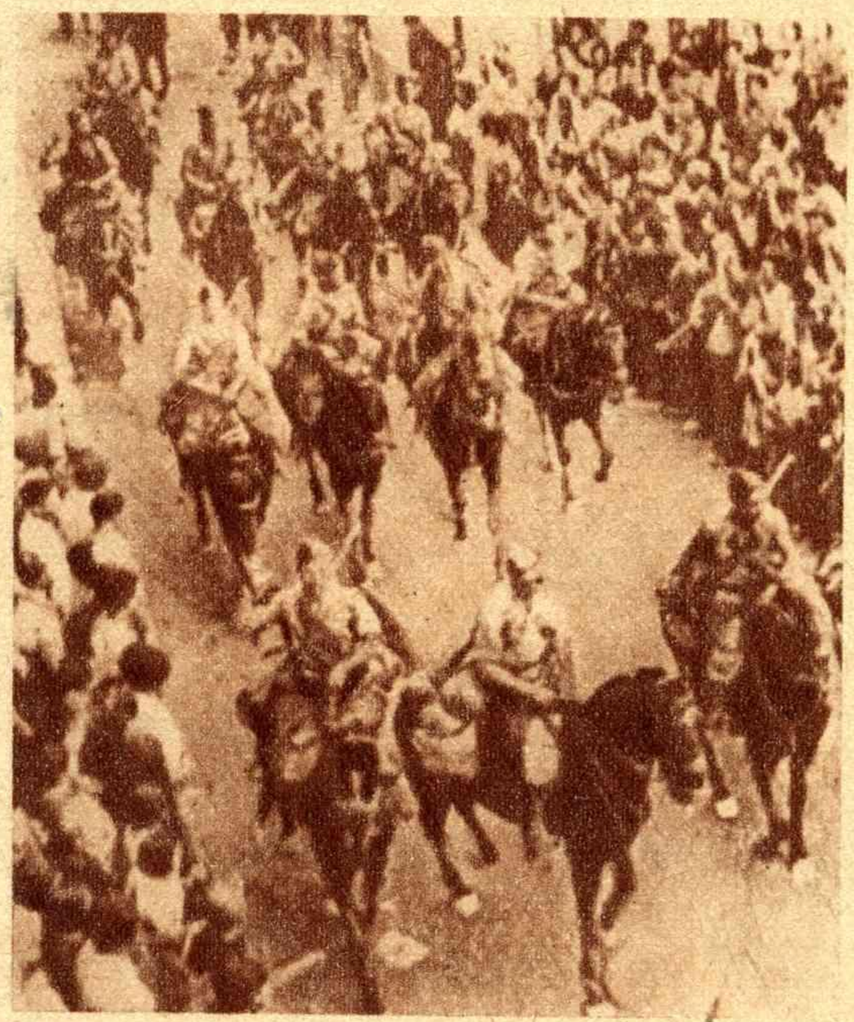
Автором всех трех задач, которые составляют наш конкурс решений, является А. В. Галицкий. Решения следует направлять по адресу редакции, с пометкой на конверте: „На конкурс". Лучшие решения будут премированы шахматной литературой.

Японский танк, захваченный в бою китайской армией.



Тяжелое орудие в одном из укрепленных районов Китая.

Пехотные подкрепления испанских республиканских войск направляются на фронт.



Население одного из испанских городов приветствует каталонских кавалеристов.

Офицер китайской армии на мотоцикле.

Мао-Цзе-дун (слева) и Чжу-Де в штабе армии.

Редакционная коллегия Зав. редакцией Б. БОНДАРЕНКО Оформление Б. МАЛИШЕВСКОГО

Издатель Воениздат Адрес редакции: Москва, ул. Маркса-Энгельса, 17. Тел. К 4-71-16

Уполн. Главлита № Г-9294. 4 п. л. 320 000 знаков. Изд. № 209. Сдан в производство 9.4.38. Подписан к печати 23.4.38. Тираж 50 200 экз. Заказ № 1750

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

Цена 50 коп.

Фото Э. Евзерихина

М2756

Группа воспитанников Московской школы военно-музыкантских воспитанников РККА.